

Юрий
БЕЗЕЛЯНСКИЙ

ОГНИ ЭМИГРАЦИИ

Русские поэты и писатели
вне России

Книга третья:
уехавшие, оставшиеся,
вернувшиеся в СССР



Юрий Николаевич Безелянский
Огни эмиграции. Русские поэты
и писатели вне России. Книга
третья. Уехавшие, оставшиеся,
вернувшиеся в СССР
Серия «Русские поэты и
писатели вне России», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69581776

*Огни эмиграции. Русские поэты и писатели вне России. Книга третья:
уехавшие, оставшиеся, вернувшиеся в СССР:
ISBN 978-5-00095-553-6*

Аннотация

Завершающий третий том. Первая книга «Отечество. Дым. Эмиграция», вторая – «И плеск чужой воды...». И вот третья – «Огни эмиграции».

О поэтах и писателях, о тех, кто эмигрировал из России, кто остался на родине, кто диссидентствовал, кто подвергся аресту, кто попал в лагерь, ну, и о тех, кто благоденствовал и, возможно, держал фигу в кармане.

В книге кратко представлены несколько десятков судеб известных людей: от Светланы Аллилуевой и Аркадия Белинкова

до совсем недавно ушедших Александра Межирова и Анатолия Рыбакова. И, конечно, Иосиф Бродский, Галич, Коржавин, Аксенов, Андрей Синявский, Виктор Некрасов, Гладилин, Горенштейн, Юз Алешковский и другие.

Книга построена хронологически, по годам отъезда с родины, начиная с 60-х годов. В представлении персон использованы документальные материалы, стихи, прозаические отрывки, письма, дневники, мемуарные свидетельства, высказывания из интервью и т. д. И никакого академизма. Всё сжато, спрессовано, эмоционально.

Все три книги об эмиграции по существу представляют собою некую панораму политической и духовной жизни СССР и РФ, с акцентировкой на литературную сферу.

Книга рассчитана на любознательных и здравомыслящих читателей. Молодым будет интересно узнать многие факты, события и имена из прошлого, а читателям «с возрастом» напомнить о том, чему они были свидетелями, но что-то не знали или о чем-то забыли.

Итак, книжное путешествие по бурным волнам прошедшей Истории.

Содержание

Вступление	5
Беглец Печерин: ненависть и любовь к России 1960–1969	13 24
Диссидентство	33
Три слова о шестидесятниках	37
Валерий Тарсис: свидетель палаты № 7	38
Светлана Аллилуева: дочь вождя	44
Аркадий Белинков: легенда советской интеллигенции	50
Анатолий Кузнецов: пропавший шестидесятник	73
Валерия Новодворская – вечный диссидент	80
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Юрий Безелянский Огни эмиграции. Русские поэты и писатели вне России. Книга третья: уехавшие, оставшиеся, вернувшиеся в СССР

Вступление

*– Господа, меня мучают вопросы, разрешите их
мне...*

Федор Достоевский, «Записки из подполья»

Первая книга – «Отечество. Дым. Эмиграция» (2016), вторая – «И плеск чужой воды» (2017). И вот третья – «Огни эмиграции». Трилогия, почти «Хождение по мукам». Текстовой триптих о русском народе (включая и иные национальные вкрапления) – На Родине и вне ее. О России и Западе. О житье-бытье, о взаимоотношении власти и народа, о боли и страдании, о рабстве и бунте, о прочих российских реалиях советского и послесоветского периода. Однако не

обо всем народе, а лишь о его передовом отряде, о мыслящей интеллигенции и еще более узкой прослойке – о поэтах и писателях, о творцах.

И, как всегда, хочется танцевать от печки. Вспомним несколько звучных цитат:

Люблю отчизну я, но странною любовью...

М. Лермонтов, 1841

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ.
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ...

Все тот же **Михаил Юрьевич**, 1825 год – об аракчеевском режиме.

Другой классик великой русской литературы **Федор Тютчев** считал, что «в России канцелярия и казармы...» и что «все движется около кнута и чина...».

Каждый, кто глуп или подл,
наверное, предан престолу.
Каждый, кто честен, умен,
предан, наверно, суду.

Это поэт **Михаил Михайлов** (1829–1865). Положение России сравнивал с Европой, где он немного пожил и напи-

сал очерки «Парижские письма» и «Лондонские заметки». За напечатание прокламаций Чернышевского Михайлов был приговорен к каторжным работам на руднике. Прожил всего лишь 36 лет.

Поборник совести и чести
Идет с сумою иль в тюрьму...

Вторил Михайлову **Людор** (Илиадор) **Пальмин** (1841–1891), поэт либерального направления. Его стихотворение «Реквием» стало революционной песнью «Не плачьте над трупами павших бойцов...». Эти строки в предреволюционную эпоху читала с эстрады Мария Ермолова.

Иван Аксаков в одном из писем 1865 года признавался: «Ах, как тяжело, как невыносимо тяжело порою жить в России, в этой вонючей стране среди грязи, пошлости, лжи, обманов, злоупотреблений добрых малых мерзавцев, хлебосолов-взяточников... Чего можно ожидать от страны, создавшей и выносящей такое общественное устройство, где надо солгать, чтобы сказать правду, надо поступить незаконно, чтобы поступить справедливо, надо пройти всю процедуру обманов и мерзостей, чтобы добиться необходимого законного...»

Какой суровый приговор. Неужели Россия в реальности такова, усомнится какой-нибудь патриот. И ему, конечно, нельзя знакомиться с мыслями и рассуждениями **Алек-**

сандра Герцена, ибо в его сочинениях можно вычитать такое, что уж совсем конец. К примеру: «Россия – отчасти раба и потому, что она находит поэзию в материальной силе и видит славу в том, чтобы быть пугалом народов».

И сразу вспоминаются песни сталинских времен:

Гремя огнем, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход,
Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин
И первый маршал в бой нас поведет!..

Борис Ласкин, «Марш танкистов»

Но это мы забежали вперед. А вот царская Россия! Ее советские историки рисовали в основном черными красками, хотя, конечно, и было за что. Эмигрировавший из России поэт Серебряного века **Константин Бальмонт** в стихотворении «Памяти Герцена» (1920) писал:

Россия казней, пыток, сыска, тюрем,
Страна, где рубят мысль умов сплеча,
Страна, где мы едим и балагурим
В кровавый час деяний палача.

Страна, где пляшет право крепостное,
Где змей – царем, змееныши – царьки,
Где правило – разгул в грязи и зное,
Страна метелей, рабства и тоски...

А «наше все» **Александр Сергеевич Пушкин** не только клеймил царя и его сатрапов, но и не пожалел, не посочувствовал народу:

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремящими да бич...

Любимый мой читатель, как вы относитесь к погремушкам да бичам? В советские времена (о нынешних умолчу) были и погремушки в виде «Волги-Волги» и «Веселых ребят»; перелеты летчиков-героев и папанинцы на льдине. А на другой чаше весов – борьба с врагами народа и ад ГУЛАГа.

Опять же, если вспоминать прошлое, которое плавно переходит в настоящее, то Россия, по определению классика **Салтыкова-Щедрина**, – некий Ташкент, «страна, лежащая всюду, где быют по зубам».

Подобных убийственных мнений множество, и, пожалуй, еще одно. Писатель **Сухово-Кобылин**, попавший в лапы судебной системы и изведавший все ее прелести:

«Богом, правдою и совестью оставленная Россия – куда идешь ты в сопутствии своих воров, грабителей, негодяев, скотов и бездельников...»

Все! Хватит! Закрываем сезон цитирования. И в заклю-

чение приведем различные строки, которые наш безвремен-
но ушедший современник **Александр Щуплов** выстроил в
единое четверостишие:

Широка страна моя родная,
И не жаль мне прошлого ничуть!
Я другой такой страны не знаю,
Я б хотел забыться и заснуть...

Все эти цитатные танцы от печки приведены лишь для то-
го, чтобы понять истоки диссидентства в Советском Союзе
и связанные с ними многочисленные случаи депортаций и
эмиграции. Покидали страну одни из лучших ее умов. Го-
нения инакомыслящих и категорические запреты на свобо-
ду слова слились в СССР в единое целое. О том, как люди
творческих профессий и при каких обстоятельствах покида-
ли пределы Родины, и пойдет речь в данной книге – «Огни
эмиграции». Хотя можно написать и иначе, как поссорились
между собой строгая дама Идеология с легкомысленной да-
мой Литературой. Они, как выразился **Андрей Синявский**,
стилистически не уживались. Стилистика тоталитаризма и
стилистика свободы.

«Свобода приходит нагая», – восклицал **Велимир Хлеб-
ников**. «Нет, – говорили охранители, – извольте надеть штан-
ны!»

Свобода слова – это свобода критиковать недостатки, об-
нажать проблемы и требовать справедливости. Жить не по

понятиям, а по законам.

В «Апологии сумасшедшего» **Петр Чаадаев** откровенно писал: «Я не научился любить свою Родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы обязаны Родине истиной... Мне чужд, признаюсь, этот блаженный патриотизм лени, который приспособляется все видеть в розовом свете и носитя со своими иллюзиями и которым, к сожалению, страдают теперь многие дельные умы...»

Как ответило государство на эти высказывания Петра Чаадаева? Известно: ему приклеили клеймо «сумасшедший». В советские времена подобная практика применялась часто, о чем будет рассказано в книге.

В «Огнях эмиграции» представлена фактология, как власть боролась с инакомыслящими «критиканами», начиная с 60-х годов прошлого века. 60-е, 70-е, 80-е, 90-е, нулевые и далее годы. Писательские имена, книги, преследования, аресты, эмиграция – все через край, с трепетом и болью. Кто захочет узнать правду о недавнем прошлом, тот прочтет книгу. Кто живет с закрытыми глазами и замкнутыми устами, тот пусть отложит ее в сторону. Кому истина, а кому – блаженное неведение.

Но тут не следует забывать еще одно важное обстоятельство: почти все мы перекормлены любовью к России. Нас

распирает гордость за великую Россию, прекрасную литературу. Мы восторгаемся ее военными победами, ее героями и полководцами. Что ни имя – набат, колокол, звук литавр. Пушкин, Суворов и т.д.

А необъятные просторы России! А чудесная природа! А несметные богатства – нефть, газ, леса, пресная вода, золото, металлы... А наш народ – великий, великодушный, милосердный, добрый, справедливый... Обо всем этом постоянно пишут, говорят, слагают стихи и песни. Мы самые-самые. Мы самые лучшие в мире. И многие в это искренне верят.

Но, может быть, хватит любить Отчизну с закрытыми глазами, не видя многочисленные беды, несчастья и развал некогда великой державы? И может быть, пора наконец расстаться с жестоким режимом, с самодержавной монархией, с восточной деспотией и с вечным византийством Кремля?..

Собирая материал для книги, я вздрагивал и ужасался, погружаясь в историю России и ее литературы все глубже. Но при этом мне хотелось узнавать все больше. Увы, собрана и отражена только маленькая часть того, что было. Насколько это захватывает и цепляет или оставляет равнодушным (подумаешь, чем удивил?) – судить не мне. И утешает изречение Сенеки: *Id facere laus est, quod decet, non quod licet* (То делать похвально, что подобает, а не то, что дозволено).

12–13 июня 2017

Беглец Печерин: ненависть и любовь к России

*Я родился в стране отчаяния...
Из письма В.С. Печерина*

Вспомним персону, известную только историкам, литературоведам да книголюбам. Это Печерин. Не лермонтовский Печорин из «Героя нашего времени», а реальная личность.

Итак, **Печерин Владимир Сергеевич**. Поэт, переводчик, мемуарист, мыслитель. Родился 15/27 июня 1807 года в Киевской губернии, а окончил свои дни 19 апреля 1885 года в Дублине. По матери – русский дворянин. Отец – кадровый российский военный польского происхождения.

Владимир Печерин рос необычным ребенком, в детстве просил у Бога: «Возьми меня с собой туда, на Запад». То есть подсознательно испытывал генетическое стремление на родину, к праотцам. Вместо Запада родные увезли его в Петербург учиться, где он вскоре поразил учителей знанием иностранных языков и античной литературы. Перед молодым Печериным засияла блестящая карьера, а он ею пренебрег, более того, неожиданно для всех покинул Россию, по существу, став беглецом, добровольным эмигрантом.

Не так давно на Западе вышли две книги, посвященные его жизни: Елены Местергази «Печерин как персонаж рус-

ской культуры» и русской эмигрантки, живущей в США, Первухиной-Камышниковой «Эмигрант на все времена». Тут следует заметить, что и до революции феномен Печерина привлекал внимание, правда, писали о нем скупое и сдержанно. Пожалуй, его лучшая биография принадлежит перу Михаила Гершензона: «Жизнь Печерина», изданная в 1910 году. В ней автор отметил, что Печерин «хотя ничего не сделал, зато много и глубоко жил», что, разумеется, не всем удастся.

В современной книге Елены Местергази педалируется решение Печерина покинуть Россию как-то чересчур по-женски: ему бы жениться! Возможно, житейские добрые обстоятельства наверняка смягчили его нарастающее недовольство собой и своей судьбой. Но Печерин избегал женитьбы, для него она была непозволительной роскошью. Бедность умеряла его желания. Сделаем и мы предположение: а возможно, Печерину, как «датскому Сократу» Серену Кьеркегору, женщина в доме – всего лишь помеха для умственных занятий. Да, и еще одна причина. Как признавался Печерин: «Состояние литературы наводит тоску. Ни светлой мысли, ни искры чувства. Все пошло, мелко, бездушно». Про царский режим и сложившееся при нем общество Печерин говорить спокойно не мог – только с содроганием. А раз так, то как жить дальше в России?! Только на Запад, в «страну святых чудес», как выражался его современник Алексей Хомяков.

Ну а теперь несколько штрихов из биографии Печери-

на. Его домашним образованием и воспитанием занимался немец-гувернер, поклонник Жан-Жака Руссо и принципов его педагогики по книге «Новая Элоиза». Именно заезжий гувернер привил юному Печерину идеи вольности и христианского равенства. Развил независимость суждений, избавил от многих иллюзий (как утверждал Руссо, «прекрасно только то, чего нет») и вместе с тем наполнил его душу максимализмом до краев... С таким багажом молодой вольнодумец и руссоист поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где проявил себя с блеском. И как пытливый талантливый юноша-студент, и как начинающий поэт и переводчик. В частности, следует отметить его перевод поэмы Шиллера «Желание лучшего мира». К лучшему миру стремилась и душа самого Печерина.

В марте 1833-го Печерин среди лучших студентов был отправлен для продолжения образования и подготовки к профессорской деятельности в Берлин. За время пребывания за границей Печерин совершил пешеходное путешествие по Швейцарии и посетил Италию. За рубежом, и особенно в Берлине, Печерин столкнулся с неприязнью к русским, которых многие местные жители считали «гуннами, грозившими Европе новым варварством». Молодого Печерина угнетало противоречие между негативной репутацией России и казенным патриотическим славословием. Что русские – самые лучшие в мире. И, конечно, уваровская триада: самодержавие, православие, народность. Эта триада резко контрасти-

ровала с реальной жизнью европейских стран. Свои чувства Печерин отразил в письме на родину от 5 июня 1834 года поэтическими строчками, ставшими впоследствии громко знаменитыми:

Мне сладостно отчизну ненавидеть
И жадно ждать ее уничтоженья!..

В июне 1835-го Печерин возвратился в Петербург и стал трудиться в качестве преподавателя греческой словесности в Московском университете. Его карьера блестяще началась и сулила высокое продолжение, но неожиданно для всех окружающих Печерин в феврале 1836 года (за год до гибели Пушкина) отпросился в отпуск и в июле навсегда покинул Россию. Отправил сам себя в эмиграцию. Спустя годы признавался своему знакомому Чижову: «...я исполнил священный долг самосохранения, оставаться в России было бы равносильно самоубийству».

В своих «Замогильных записках» Печерин отмечал, что к решению остаться в Европе его подтолкнуло отвращение, которое внушила ему «грубо-животная жизнь» русских людей, «живущих лишь для того, чтобы копить деньги и откармливаться...». То есть «жить в брюхо», как сказал один из русских классиков.

О своем побеге из России Печерин писал в «Записках»: «Не осуждайте меня, но войдите, вдумайтесь, вчувствуй-

тес в мое положение!.. Молодой человек с дарованиями, с высокими стремлениями, с жадой знаний, <...> один, без наставников, без книг, без образованного общества, без семейных радостей, без друзей и развлечений юности, без цели в жизни, без малейшей надежды в будущем!..

А вот и другая картина. В Англии, в Америке – молодой человек, преждевременно возмужалый под закалом свободы, уже занимает значительное место среди своих сограждан... все пути ему открыты: наука, искусство, промышленность, торговля, земледелие... – выбирай, что хочешь! Нет преграды. Даже самый ленивый и бездарный юноша не может не развиваться, когда кипучая деятельность целого народа ему кричит: вперед! go ahead! Он начинает дровосеком в своей деревушке и оканчивает президентом в Вашингтоне! А я в 18 лет едва-едва прозябал, как былинка, кое-как пробивался из тьмы на божий свет; но и тут, едва я подымал голову, меня ошеломили русскою дубинкою».

Власть расценила отъезд Печерина как бегство и возбудила по поводу его невозвращения на родину судебное преследование, но он его проигнорировал, спокойно странствуя по Европе, от Парижа до Цюриха, от Базеля до Льежа, ища сообщества людей, вместе с которыми он мог бы бескорыстно служить человечеству по образцу первых христиан. Многим Печерин казался воплощением Дон Кихота или вторым Руссо.

Почти профессор Московского университета, Печерин

поначалу в Европе вел жизнь бесприютного нищего, продавал гуталин, работал секретарем у какого-то английского капитана, примыкал к различным политическим группкам, то был коммунистом, то сенсимонистом, то подвизался в качестве миссионера-проповедника, благо в совершенстве знал иностранные языки. Однажды, наблюдая искрящиеся брызги низвергающихся сверху потоков воды, Печерин подумал: «Какое наслаждение – умереть в водах Рейнского водопада».

Но чем бы ни занимался Печерин в европейских странах, он не уставал размышлять о социальном переустройстве мира. Его герой в стихотворении «Торжество смерти» выражает крайнюю степень несогласия с установившимися порядками на земле:

И к богу кричит: «Я не хуже Тебя!

И мир перестрою по-своему я!»

О, сколько до Печерина, ну и после него, находилось таких переустроителей мира – и философов, и политиков, и ученых-экономистов, и что? Переустроили страны и перевоспитали народы, привели все в гармонический социальный рай?..

В 1840 году Печерин отказался от православной веры и принял католичество. А затем стал послушником монастыря Сен-Трон. Впоследствии Печерин совершил еще один поворот и в качестве миссионера отправился в Англию, и имен-

но здесь началась активная переписка Печерина с Герценом. Оба сошлись на почве неприятия самодержавной России. А власть тем временем вновь предприняла попытку вернуть на родину вольнодумца-беглеца. В конце концов сенат в России вынес окончательное решение о лишении Печерина всех прав состояния и лишил его возможности когда-либо вернуться домой.

Живя в Лимерике (Ирландия), Печерин не порывал связей с Россией, регулярно читал «Колокол», переписывался с Герценом и Огаревым, верил в исключительное предназначение России («Пора нам удивить Европу»), возобновил писание стихов («Не погиб я среди крушения...» и др.). И главное – начинает писать мемуарную прозу «Замогильные записки» («*Apologia pro vita mea*»), то ли подражая французскому писателю Шатобриану, то ли полемизируя с ним. Стил Печерина четкий, ясный, несмотря на признания в том, что он «почти разучился русской грамоте».

У Печерина было явно филологическое призвание. В биографическом очерке В. Мильдона (альманах «Лица», 4-1994) отмечается, что для Печерина филология была не профессией, а способом жизни; он жил как филолог – в словах, среди слов, и для него мироустройство определялось возможностями словоустройства, ибо в слове он видел суть и человека, и самой жизни. Печерин как-то обронил: «Вся моя жизнь сложилась из стихов Шиллера...»

Творчество – и свое, и чужое – было спасительным кругом

в бушующем стихийном море. «Вот, – думал я, – вот единственное убежище от деспотизма! Запереться в какой-нибудь келье, да и разбирать старые рукописи» («Замогильные записки»).

Размышляя о судьбе России, Печерин не ищет каких-то особых путей ее развития, а считает, что ей следует идти «путем всемирного развития человечества». Славянофилы вызывали у него полное неприятие. Печерин утверждал, что время церковей прошло и «каждому человеку угодно, а государство должно полностью отказаться от всякого вмешательства в дела совести».

Выскажи кто-то эти идеи сегодня, то какая бы буря негодования и протеста поднялась. Но Печерин жил на свободном Западе и свободно высказывал свои мысли.

В Европе Печерин нашел родственную душу в лице князя **Петра Владимировича Долгорукова** (1816–1868), дерзнувшего «истину царям с улыбкой говорить», в частности потребовавшего освобождения крестьян с землей. У Печерина с Долгоруковым была длительная и интенсивная переписка по проблемам России, как ей развиваться дальше.

В июне 1864 года Печерин писал князю: «Почтеннейший Соотечественник...». И далее:

«Я никаких отрадных вестей не ожидаю из России, пока не переменят образа правления. Впрочем, я не знаю, что и думать о нашем народном характере. Граф де Метр сказал ужасную истину: «Chaque peuple a le gouveznement qu'elle

merite – Каждый народ имеет то правительство, которое заслуживает» (*фр.*).

Ведь самовластие кажется так по сердцу нашему народу. Как они любят прислуживаться, шпионствовать и пр. – как рукоплескать каждой мере жестокости! Вот что меня ужасало – вот от чего я бежал! Помилуйте! Если бы я остался в Москве, я бы теперь был почтенным профессором Московского университета.

И был толст, и был богат,
Носил бы стеганый халат
И пил бы за здоровье Муравьева!...»

Сноска для молодых читателей: *Михаил Муравьев (1796–1866), государственный деятель царской России, ярый крепостник, жестокий палач польского национально-освободительного восстания 1863 года. Вошел в историю под прозвищем Муравьев-Вешатель.*

20 января 1855 года Печерин признается Долгорукову, что им «владеет чрезвычайный страх – страх сделаться старой женщиной. От этого страха я бежал из России... и этот страх заставляет меня оставить Дублин. А ведь кажется, в каком уголке земли я не мог бы жить спокойнее, независимее, комфортабельнее, чем здесь. Но ведь это безвыходная жизнь. Что сегодня и завтра, жизнь без ума и без борьбы. Мне не с кем поменяться мыслями...»

По Лермонтову:

А он, мятежный, просит бури,
Как будто в буре есть покой...

Печерин постоянно жаловался Долгорукову, что годы проходят и что жизнь наша быстро летит к роковому пределу. «Al termine vola (я лечу к своему концу – *итал.*), как говорил Dante».

Жизнь действительно летела к концу, и Владимир Печерин в конце концов нашел упокоевание весной 1886 года на одном из старых кладбищ Дублина, немного не дожив до 78 лет. Удивительно, но русский человек Печерин похоронен в Дублине, а великий дублинец – писатель Джеймс Джойс, этот Одиссей и Улисс, окончил свой жизненный путь в Цюрихе. Превратности судьбы и мятежного духа.

Евгений Евтушенко посвятил Печерину строки:

Он Достоевским был замечен,
А может быть, на небесах...

Евтушенко прав: судьба Печерина перекликается со многими героями Федора Михайловича. Печерин как князь Мышкин, сбежавший из России от бесов и прочих российских упырей...

А теперь из далекого прошлого перенесемся в недавнее прошлое, свидетелями которого были многие сегодняшние люди, в основном пенсионеры, конечно, и оно, это недавнее время, уже затуманено в памяти. Немного проясним его. Вот краткая хроника 60-х годов (книга Юрия Безелянского «Огненный век», издательство «Пашков дом», 2001).

1960–1969

*А что еще надо для нашей свободы? –
Бутылка вина, разговор до утра...
И помнятся шестидесятые годы –
Железной страны золотая пора.*

Евгений Блажеевский

*Невозвращения в Россию нету.
Из сердца собственного не сбежишь.*

Евгений Евтушенко

Писатели Петр Вайль и Александр Генис в связи с выходом своей книги «60-е. Мир советского человека», говорили, что 60-е годы были последним всплеском истинного коммунизма.

11 октября 1961 года закончил работу XXII съезд КПСС, съезд «строителей коммунизма», как писали тогда газеты. Партийный форум принял новую программу партии, в которую был включен Моральный кодекс строителей коммунизма (его стали изучать в школах, институтах и по месту работы). По постановлению съезда из Мавзолея ночью вынесли мумию Сталина и захоронили ее у Кремлевской стены. Через год в «Правде» было опубликовано стихотворение

Евтушенко «Наследники Сталина», которое мгновенно стало знаменитым: «Покуда наследники Сталина есть на земле, мне будет казаться, что Сталин еще в Мавзолее».

12 апреля 1961 года – Юрий Гагарин в космосе.

Как писал Александр Твардовский:

Ах, этот день двенадцатый апреля,
Как он пронесся по людским сердцам.
Казалось, мир невольно стал добрее,
Своей победой потрясенный сам.

14 апреля состоялась встреча первого космонавта на Красной площади. Такого праздника не было с 9 мая 1945 года! И все десятилетие прошло под знаком космических побед. Герман Титов, Валентина Терешкова, Алексей Леонов...

Но международные дела были далеко не лучезарными. 1 мая 1960 года ракетчики ПВО сбили над Уралом американский самолет-разведчик U-2, этот инцидент привел к резкому охлаждению отношений между СССР и США. 23 сентября того же года Хрущев стучал ботинком по столу в ООН, и эта выходка нашего лидера обошлась советской делегации в 10 тысяч долларов штрафа.

В октябре 1962-го весь мир встал на уши: Карибский кризис! Противостояние двух великих держав! Планета похолодела от ужаса возможной ядерной войны из-за советских ракет, тайком доставленных на Кубу. Но, слава богу, у Хруще-

ва и Джона Кеннеди хватило разума вовремя остановиться. Этого разума не хватило шесть лет спустя, в августе 1968-го, Брежневу и его соратникам. Правителей Кремля обуял страх перед Пражской весной – а вдруг она докатится и до нас? Согласно «доктрине Брежнева», советские танки вошли в Прагу. Решение о вторжении было принято на заседании Политбюро ЦК КПСС 17 августа, после того как угрозы, шантаж и выкручивание рук не заставили пражских реформаторов отказаться от построения социализма с человеческим лицом. Лишь через 21 год, в 1989-м, мы признали, что оккупация Чехословакии была ошибкой.

Еще одна кровавая страница истории была написана 2 марта 1969 года и в последующие дни: пограничная война на острове Даманский. Дембеля 1969 года распевали песню:

На Уссури под солнцем тает лед,
Весна смешала голубые краски...
Но кто, скажите, кто же нам вернет
Тех, кто погиб на острове Даманском?

У вождей тоже было все непросто. 17 апреля 1964 года шумно и торжественно отметили 70-летие Никиты Хрущева, а 14 октября, всего лишь через полгода, те, кто его обнимал, отстранили дорогого Никиту Сергеевича от власти. Заодно пострадал и зять Хрущева – главный редактор газеты «Известия» Алексей Аджубей. Он был одним из первых, кто пытался переделать советскую журналистику, превратить ее

из ангажированной и скучной в свободную и интересную. Не дали.

60-е – это годы активного диссидентства. Днем рождения правозащитного движения считается 5 декабря 1965-го, когда на Пушкинской площади в Москве состоялась первая за время существования советской власти демонстрация под лозунгами «Уважайте Советскую Конституцию!», «Требуем гласности суда над Синявским и Даниэлем». Что натворили Андрей Синявский и Юлий Даниэль? Они опубликовали свои сочинения за рубежом – тогда это был страшный идеологический криминал.

1964 год – генерал Петр Григоренко помещен в психиатрическую больницу за смелое выступление на районной партконференции.

В 1968-м академик Сахаров не побоялся передать на Запад свои статьи «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе».

25 августа 1968 года восьмерка отважных – Лариса Богораз, Вадим Делоне, Татьяна Баева, Павел Литвинов, Владимир Дремлюга, Константин Бабицкий, Виктор Файнберг и Наталья Горбаневская – вышли на Красную площадь, протестуя против вторжения советских войск в Чехословакию.

А несколько лет ранее был другой протест – рабочих Новочеркасска, которые вышли на улицы 1 июня 1962 года под лозунгом «Мясо, масло, повышение зарплаты!». Поводом стало очередное повышение цен. Против митингующих

бросили солдат, итог: 24 человека погибли, 39 ранено, сотни людей арестованы. Печать об этом не распространялась, все держалось в тайне, и лишь спустя три десятилетия народ узнал правду. Кстати, нашелся один офицер – фронтовик, Герой Советского Союза Матвей Шапошников, который отказался стрелять в безоружных рабочих.

Экономику страны в 60-е лихорадило: постоянные реорганизации, неэффективное сельское хозяйство. С 1965-го начали проводить косыгинские реформы, но остановились на полпути и к середине 70-х получили полный застой.

Культурная жизнь – бурная. Спектаклем «Добрый человек из Сезуана» открылся 23 апреля 1964 года театр Юрия Любимова на Таганке. Вся Москва бросилась смотреть и обсуждать спектакли нового театра: «Антимиры», «Жизнь Галилея», «Пугачев», «Тартюф», «Час пик» – один злободневнее другого!

Был еще Манеж и крутой разговор с художниками, который провел Никита Сергеевич. Знаменитые «пидарасы и абстракционисты!».

Пожалуй, самая главная книга 60-х – новомирская повесть, появившаяся в ноябре 1962-го, – «Один день Ивана Денисовича». Никому еще тогда не известного Александра Солженицына.



В приведенную выше хронику много можно чего добавить, к примеру факты из книги правозащитницы Людмилы Алексеевой «История инакомыслия в СССР» (1992, Вильнюс – Москва). В книге 300 страниц убористого текста. Есть даже стихотворные строчки:

На кладбище расстрелянных иллюзий
Уж не осталось места для могил.

Это из стихотворения украинского поэта-шестидесятника Василия Симоненко, умершего в 1961 году в 39-летнем возрасте.

Итак, несколько добавлений.

1 марта 1960 года в Малоярославце Калужской области умерла **Ксения Каховская**, женщина необычной судьбы: в 1907–1917 годах – политкаторжанка, в 1917–1918 – российская революционерка, член партии эсеров. В 18-м она организовала убийство командующего войсками на Украине фельдмаршала Германа фон Эйхгорна, попала в тюрьму к немцам, а после освобождения была арестована уже ЧК. Была освобождена по вмешательству Ленина, вождю понравилось, что Каховская замышляла убийство Деникина. На свободе пробыла недолго: с 1921-го по 1956-й находилась в

тюрьмах, лагерях и ссылках. Всего в неволе и в изгнании Каховская провела 45 лет.

19 февраля 1965 года состоялась первая публичная акция творческого объединения молодых поэтов и художников СМОГ («Самое молодое общество гениев») – поэтический вечер и выставка в Москве в библиотеке имени Фурманова. Залы библиотеки были оформлены картинами смогистов, эпатирующих фрагментами из их манифеста и стихов. Власти преследовали молодых бунтарей – исключали из институтов, высылали из Москвы, помещали в психиатрические больницы. Объединение прекратило свое существование в 1966 году.

И еще.

В июне 1969 года в Москве на площади Маяковского был открыт памятник поэту. Молодежь сразу потянулась к нему почитать стихи. Москвичам это новшество понравилось, и вскоре чтение получило официальное признание. Впервые у памятника Маяковскому появились юные Владимир Буковский, Юрий Галансков и другие будущие знаменитые диссиденты. Власть все это поэтическое бунтарство терпела до определенного времени.

Вспоминает Буковский: «Все длилось год – с 1960-го по 1961-й. Собирались довольно регулярно: каждую неделю, обычно по субботам или по воскресеньям. Нас всех забирали часто, несмотря на все меры, которые мы предпринимали для того, чтобы уйти от «блюстителей порядка». А потом

был такой период, когда они решили всех нас бить. Ловили по дороге домой – они уже примерно знали, где мы жили, когда расходимся, каким путем идем домой. Они ловят – и в машину, в свой подвальчик – бить. Несколько человек прошли через это. Били, а потом отпускали. Занимался этим комсомольский оперативный отряд. КГБ был как бы в стороне. Его люди были ведущими, оперативниками, разработчиками. Сами не лезли... Все закончилось осенью 1961-го, надвигался XXII съезд. Памятник Маяковскому был закрыт – вокруг ездили уборочные машины, иногда стояли цепи милиции. Да и нам было не до того: начались аресты, допросы. Я тогда после суда уехал в Сибирь...»

Судьба только одного пострадавшего:

6 октября 1961 года был арестован **Владимир Осипов** и тут же исключен с 4-го курса истфака МГУ за протест против ареста органами КГБ его товарища и организацию встреч и дискуссий на площади Маяковского. Осипов был осужден по статье 70 УК РСФСР – «Антисоветская агитация и пропаганда» на 7 лет. Почти по Маяковскому: «И жизнь хороша, и жить хорошо».

Еще бы: освобожден из ГУЛАГа и снова взялся издавать самиздатские журналы «Вече» и «Земля» (до этого были «Бумеранг» и «Феникс»). В 1974 году Осипова вновь арестовали и впаляли 8 лет...

Период диссидентства выпестовал многих отважных людей, о которых расскажем в дальнейшем по годам их эмигра-

ции из Союза. А сейчас упомянем хотя бы **Ирину Каплун** (1950–1980), студентку филфака МГУ. Изготавливала листовки против ресталинизации, разоблачала методы психиатрии в политических целях. Разумеется, преследовалась. Погибла в автокатастрофе. И не она одна. **Мераб Костава** (1939–1989), музыковед. Боролся за права человека в Грузии. Дважды побывал в ссылке и в лагере. И тоже гибель в автокатастрофе. Неожиданные автокатастрофы. Еще ранее был убит подобным образом и большой артист **Соломон Михоэлс**.

Диссидентство

При жестоком режиме Сталина никакого диссидентства не было и в помине. Но после смерти диктатора и тирана наступила оттепель: ослабление гаек и дуновение ветерка свободы и, как следствие, зарождение диссидентства. Любопытно, как трактовалось это понятие в 1-м томе трехтомного Энциклопедического словаря (1963):

«ДИССИДЕНТЫ (инакомыслящие): лица христианских исповеданий, от личных до господствующего. В середине века Д. называли противников католицизма, а со временем Реформации – лиц, не придерживающихся государственной религии».

В иллюстрированном Энциклопедическом словаре (1995) диссиденты (от лат. Dissidents – несогласные) не только противники государственной религии, но и противники существующего строя:

«ДИССИДЕНТЫ – название участников движения против тоталитарного режима в бывших социалистических странах в конце 1960-х – середине 80-х годов. В разных формах выступали за соблюдение прав и свобод человека и гражданина (правозащитники), против преследования инакомыслия, протестовали против ввода советских войск в Чехословакию (1968) и Афганистан (1979). Подвергались репрессиям со стороны властей, многие были осуждены

по сфабрикованным обвинениям в шпионаже, госизмене и т.п., принудительно помещены в психиатрические лечебницы («карательная психиатрия»), высланы или вынуждены эмигрировать (В. Буковский, П. Григоренко, А. Сахаров, А. Солженицын и др.)».

Думаю, что сегодня формулировки про диссидентов уже другие, резко отрицательные: «пятая колонна», «вашингтонский обком», отщепенцы, предатели и прочее, включая ненормативную лексику. И почему брань? Потому что инакомыслящие – это другие. Инакодумающие, инакоговорящие, иначе ходящие и не желающие ходить общим строем, нога к ноге, голова к голове, и горланить бодрые патриотические песни: «Броня крепка, и танки наши быстры!..», Вперед – на Берлин!..

Инакомыслие – это бунт против бездушной и злой государственной машины. А если отбросить метафору, то можно сказать социологически точно: «Задачи тоталитарного государства – полностью подчинить человека, подавить его инициативу. Что бы он ни пытался делать сам, государство говорит: «Низзя». Политикой становится то, что к политике, казалось бы, не имеет отношения. Но в тоталитарном государстве политика – все, в том числе быт и семья» («Новая газета», 15 июня 2017 – Алексей Бабий, председатель Красноярского общества «Мемориал»).

Но хватит о проблемах и о пугающих материях, таких как тоталитаризм, автократия, самодержавие и прочие госу-

стройства. Скажем вульгарно: ближе к телу. Приближимся к судьбам отдельных фигур – персон, лиц, людей, диссидентов.

Трудный вопрос, как их отбирать и по какому принципу. Я решил связать их 60-ми годами, когда в их жизни произошли судьбоносные повороты. В феврале 1966 года **Валерия Тарсиса** лишили советского гражданства и выдворили из Советского Союза.

В марте 1967-го **Светлана Аллилуева**, дочь Сталина, находясь в Дели (Индия), попросила политического убежища. Весной 1968 года **Аркадий Белинков** из социалистической Венгрии сбежал в капиталистическую Европу. В июле 1968-го **Анатолий Кузнецов**, будучи в командировке, остался на Западе. Все четверо стали эмигрантами.

К этой четверке прибавим **Валерию Новодворскую**, которая не сбежала на Запад и которую не депортировали, но власть много раз ее жестоко наказывала, а она при этом не прогибалась. А началось ее диссидентство 5 декабря 1969 года, когда 19-летняя студентка Лера отважно разбрасывала антисоветские листовки на праздничном вечере в концертном зале Кремлевского Дворца съездов в честь Дня Конституции СССР.

Заканчивая персоналии 60-х, следует вспомнить и еще

одного беглеца. Как там у Лермонтова в поэме «Мцыри»: «Гарун бежал быстрее лани...»

Не гарун, а советский журналист – **Леонид Владимиров** (Финкельштейн, 1924–2015). Во время войны партизанил, попал в ГУЛАГ. А после войны – журналист, печатался в научных журналах, писал о космосе. Во время командировки в 1966 году остался в Англии. Работал на радио «Свобода», радиостанции русской службы «Би-би-си». Перевел на русский язык книгу Конквеста «Большой террор».

Алексей Костерин (1896–1968) – не сбежал на Запад. Он один из ярких диссидентов. Писатель, участник Гражданской войны, коммунист. Узник сталинских лагерей. Участник движения за права крымских татар. Вышел из КПСС в 1968-м. Умер в Москве.

Так что есть принципиальная разница между диссидентами и, соответственно, борцами за права человека и просто шестидесятниками, которые не боролись с властью напрямую, а пытались добиться свободы с помощью статей, книг и стихов.

Три слова о шестидесятниках

Есть расхожее мнение, что шестидесятники – истинные ленинцы и боролись они за социализм с человеческим лицом. Это и Юрий Трифонов, и Чингиз Айтматов, и Василий Аксенов, и Булат Окуджава, конечно, Евтушенко с Вознесенским и т.д. О многих шестидесятниках разговор пойдет в книге. Ленин хороший, а Сталин плохой? Какая чушь! Но так многие считали в 60–70-е годы. В статье «Шестидесятники» («ЛГ», 7 августа 2002) писатель Олег Михайлов отмечает, что круг шестидесятников был очень узким и при этом забывают другие знаковые имена: философа-полиглота **Дмитрия Ляликова**, знатока Фрейда и Юнга; спившегося блистательного прозаика **Юрия Казакова**; сгоревшего от невозможности проявить себя поэта **Анатолия Передре-ева**; погибшего в психушке русского Вийона **Сергея Чудакова**; рано погибшего **Николая Рубцова**... «Им было некуда эмигрировать, и они – в большинстве своем – эмигрировали в смерть».

Ну а часть шестидесятников не только выжили, но и преуспели. Короче, у каждого была своя судьба. И у меня, разумеется, тоже, у «неизвестного шестидесятника», как написала одна газета. Мне выпала судьба стать неким летописцем Пименом; хотя бы частицу того, что было, зафиксировать и отразить в книгах...

Валерий Тарсис: свидетель палаты № 7

Забытое, неупоминаемое имя – Тарсис.

Википедия дает сухую справку: **Валерий Яковлевич Тарсис** (1906, Киев – 1983, Берн). Советский писатель, переводчик, диссидент. А далее хочется изложить своими словами, теплее, эмоциональнее.

Тарсис родился 23 сентября 1906 года. По матери он украинец, по отцу – грек. Коктейль кровей и неординарный мальчик. Отец работал в Баку на нефтяных предприятиях «Братья Нобель». Был арестован советской властью и погиб в лагере. А Валерий жил с клеймом «сын врага народа», но тем не менее окончил среднюю школу, затем историко-филологический факультет Ростовского университета. Специализировался на западноевропейской литературе и защитил кандидатскую диссертацию на тему «Поэзия раннего Ренессанса». Очевидно, в той работе мелькали такие блистательные имена, как Ариосто, Камоэнс, Боккаччо, Эразм Роттердамский, Петрарка... Возможно, Тарсис цитировал строки крупнейшего представителя литературы Возрождения португальца Луиша де Камоэнса:

О, смена встреч, свиданий и разлук!
Ты к цели шел усердным пилигримом,

Ты верен был, но все уходит дымом.
Ни жертв не ценит Время, ни заслуг.

По сути, стихи абсолютно не созвучные стране сиятельного социализма. А уж другие строки Камозэнса и вовсе антисоветские:

А в мире столько неполадок,
Как будто нас отверг Всевышний сам.
Все ясное, обычное, простое,
Все спуталось, и рухнули устои.
И жизни нет. Жизнь только снится нам.

Нет-нет. Это Тарсис уже тогда исповедовал антисоветизм. Какой Камозэнс и кому он нужен? Когда в стране радостно звучит «Шахтерский марш»:

От утра до утра
Веют в шахте ветра,
Звонкий уголь блестящ и кристален.
Мы победу в борьбе
Обещаем тебе,
Наш отец и учитель наш – Сталин!

Уверен: Тарсис таких песен не пел и даже легонько не подпевал. Он весь был устремлен в другую сторону, и неслучайно его первая книга была справочником «Современные иностранные писатели». В 1938-м в «Новом мире» вышла пер-

вая повесть – «Дездемона» Работал в 30-е годы Тарсис редактором в престижном издательстве «Художественная литература» – «Худлите», как тогда говорили. Тарсис владел шестью иностранными языками и много переводил. Переводческая поденщина. Переводил, в частности, Лао Цзы.

В Отечественную войну был корреспондентом армейской газеты. Участвовал в Сталинградской битве, был ранен и около года пролежал в госпитале. После войны Тарсис окончательно расстался с иллюзиями насчет того, в какой стране живет. Увы, несвободной. Вступил в конфликт с властями, добивался разрешения покинуть СССР еще в 1961 году.

«Он опускался по лестнице разочарований и, куда ни направлял свой взгляд, всюду видел ложь, фальшь, произвол и хамство» (Вл. Батиев. Журнал «Столица», 26-1992). Тарсис писал каждый день. Писал и складывал написанное в ящик стола. Рукописи фотографировал и тайно отправлял за границу. Он понимал: то, что он пишет, никогда не увидит свет в СССР. Тарсис не скрывал от близких и знакомых своих тайных желаний печататься «там». Кто знал об этом, пугались, другие посмеивались, третьи крутили пальцем у виска, мол, совсем спятил. Тарсис остался верен себе, он обратился к западным издательствам, и одной из первых книг за кордон попала повесть «Сказание о синей мухе».

Когда власть узнала о выходе книг Тарсиса на Западе, она крайне возмутилась. Хрущев лично распорядился, чтобы этого «пачкуна и хулителя нашей прекрасной страны» от-

правили в психбольницу имени Кащенко. Произошло это 23 августа 1962 года и вызвало на Западе волну возмущения: за что? За непонравившиеся книги? И многие ужаснулись повторению истории с Чаадаевым: в царское и в советское время, кто критикует власть, тот сумасшедший?

Общественность Запада заставила советское правительство в марте 63-го выпустить якобы сумасшедшего писателя из психушки. Валерий Тарсис, находясь, разумеется, в здравом уме и памяти, тут же объявил о своем выходе из КПСС и из Союза писателей СССР. А свое семимесячное пребывание в психбольнице красочно изложил в повести «Палата № 7».

Совпадение или нет, но в 1966 году Владимир Высоцкий написал «Песню о сумасшедшем доме»:

Сказал себе я: брошь писать, -
но руки сами просятся...

И примечательные строки в «Песне»:

Вчера в палате номер семь
один свихнулся насовсем —
кричал: «Даешь Америку!...»

Валерий Тарсис предпочел Швейцарию, но это произошло позднее.

Но вернемся к книге Тарсиса. Изданная на Западе «Палата № 7» произвела эффект разорвавшейся бомбы. До этого за рубежом не знали, что психиатрию в Советском Союзе превратили в карательную и использовали для политических целей. Одна из английских газет написала: «Из «Палаты № 6» Россия перешагнула в «Палату № 7».

Власть поняла, что писатель неисправим в своих взглядах, и в 1968 году Тарсису предоставили право на выезд за границу. Разрешение подписано 7 февраля, а через 12 дней, 19 февраля, когда уже Тарсис находился в летящем самолете, вдогонку последовало решение лишить его советского гражданства и права на возвращение в Советский Союз «за поступки, порочащие гражданина СССР». Собственно говоря, за то, что он писал.

Был Тарсис – нет Тарсиса, и власть вздохнула с облегчением до появления нового возмутителя спокойствия в Датском королевстве. А Валерий Тарсис вначале обосновался в ФРГ, а затем перебрался в Швейцарию. К тому времени он расстался с первой женой Розой, племянницей командующего советской авиацией Алкниса. Во время войны она работала в госпитале, куда Тарсис попал из-за серьезного ранения, и, по существу, выходила его. Выздоровев, Тарсис женился на ней. Впоследствии их брак распался, вполне возможно, из-за диссидентских идей и затей писателя. Вторично Тарсис женился уже в Швейцарии на швейцарской подданной Ханни, которая взяла фамилию мужа, русского диссидента и бунта-

ря.

В эмиграции Тарсис прожил 17 лет, и умер Валерий Яковлевич 3 марта 1983 года у себя дома в Берне от разрыва сердца в возрасте 76 лет. Жил в Швейцарии тихо и мирно, вдосталь купаясь в своей творческой работе. Проблем с публикациями не было. Тарсис написал и издал немало книг: «Столкновение с зеркалом», «Недалеко от Москвы», «Флорентийская лилия». Две книги из девяти задуманной им серии «Рискованная жизнь Валентина Алмазова». Остался незаконченным роман «Мои братья Карамазовы».

Примечательно то, что все эти книги успеха не имели по сравнению с «Палатой № 7». Швейцарский уют и достаток не способствовали возникновению писательского драйва.

Светлана Аллилуева: дочь вождя

19 декабря 1966 года – последний день Светланы Аллилуевой в Советском Союзе. Возмездие судьбы: дочь Сталина не захотела жить на родине.

В книге «Только один день» (Принстон, США) Светлана Иосифовна писала:

«Я не думала 19 декабря 1966 года, что это будет мой последний лень в Москве и в России. И уж, конечно, не предполагал мой сын Ося, его жена Леночка, моя Катя и никто из друзей, зашедших в этот день повидать меня перед отъездом. День был очень холодным... «Правда ли, правда, что сегодня улетаешь?» Это было действительно невероятным, что мне разрешили отвезти в Индию прах моего мужа, поэтому многие не могли никак поверить... Это была моя первая поездка за границу, не считая 10 дней, проведенных летом 1947-го в гостях у брата, стоявшего с авиационным корпусом в Восточной Германии (у Василия Сталина. – Ю.Б.)...

...Аудиенция с Косыгиным закончилась в пять минут: мне разрешено было ехать при условии, что я буду избегать контактов с прессой. Разговор был неприятен нам обоим, и мы быстро его закончили...»

Тут следует сказать, что сначала Аллилуевой отказали увезти больного Брадежа Сингха на родину, в Индию, а потом, после долгих, очевидно, колебаний разрешение на по-

ездку для оказания последних почестей все же было получено.

Далее последовал настоящий детектив с отъездом, в результате которого Аллилуева оказалась на Западе. Краткое время она находилась в Швейцарии, где сожгла советский паспорт и приняла православие (назло всем коммунистическим вождям в Кремле?..). Затем были Соединенные Штаты, где в публикации «Двадцать писем к другу» Аллилуева рассказала о своем отце, диктаторе и тиране, и о кремлевской жизни. В серии статей и телеинтервью осудила всю коммунистическую систему как бесчеловечную...

Ровно год спустя, 19 декабря 1967 года, за столиком в ресторане в Принстоне Аллилуева сказала своим новым американским друзьям: «А знаете, ведь только один год назад в этот день я уезжала из Москвы... Какая выюга мела! Мой сын провожал меня поздно ночью в аэропорт. Мог ли кто-нибудь вообразить тогда, что я появлюсь в Принстоне и будем сидеть за столом с вами?» «Давайте выпьем за этот год свободы», – сказал Луи Фишер. И мы все трое подняли наши бокалы...»

Тут надо сказать, что Луи Фишер, американский кремлеолог, бывший коммунист и говорящий по-русски, стал очередным мужем Светланы Аллилуевой.

А кто был первым? В 16 лет Светлана влюбилась в сценариста и военного корреспондента Алексея Каплера, который был на 20 лет ее старше. Сталин, ненавидевший евреев,

упек Каплера на 10 лет в ГУЛАГ. А первым официальным мужем Светланы стал студент МГИМО Григорий Морозов, тоже еврей. Сталин не пожелал ни разу увидеть своего зятя. От этого брака родился сын Иосиф, названный в честь грозного деда. Через два года Светлана развелась с Морозовым и вышла замуж за сына соратника отца Андрея Жданова – Юрия Жданова. Родилась дочь Катя. Потом был третий, гражданский брак, с Иваном (Джоником) Сванидзе, сыном Александра Сванидзе, соратника Сталина, им же и казнённого.

В кремлевской больнице Светлана встретила индийского коммуниста-интеллигента Брадежа Сингха, почти на 30 лет ее старше. И новая любовь. Пыталась выйти за него замуж, но брак не разрешили, и вскоре Сингх умер... Очередным мужем, уже в Америке, и стал Луи Фишер, который причинил Аллилуевой ужасные страдания. После его смерти в 1970 году Аллилуева вышла замуж за американского архитектора Вильяма Лесли Петерса и в следующем году родила дочь Ольгу. На этом драматические перипетии не закончились. Петерс оказался хиппи и желал, чтобы его жена жила с ним в общей коммуне, и постоянно тянул из нее деньги. Брак развалился через два года.

Затем Аллилуева появилась с дочерью Ольгой в Москве. 16 ноября 1984 года состоялась в Москве встреча Светланы Аллилуевой с советскими и иностранными журналистами. Она рассказала, что «основной причиной совершенных

ошибок и заблуждений – решение покинуть 17 лет назад Советский Союз – явилась слепая идеализация ею так называемого свободного мира. Аллилуева решительно отвергла всякие домыслы и спекуляции, распространяемые на Западе относительно ее возвращения в СССР якобы «под нажимом». «Мое решение вернуться на Родину к моим детям, внукам, многочисленным родным и к незабываемым друзьям есть решение лично мое, решение человеческое, а не политическое... Я не политик.... Даже мое «невозвращенство» в 1967 году было основано не на политических, а на человеческих мотивах... В те годы я отдала дань слепой идеализации так называемого свободного мира – того мира, с которым мое поколение совершенно не было знакомо... Там я попала в руки бизнесменов, адвокатов, политических дельцов и издателей, которые превратили имя моего отца и мою жизнь в сенсационный товар...»

«Все эти годы, – сказала Светлана Аллилуева, – меня не покидало чувство глубокой вины. Сколько я ни старалась вполне искренне жить так, как все американцы, и «наслаждаться жизнью», у меня этого не получалось... Моя 13-летняя дочь здесь со мной в СССР... Ее отец, архитектор Уильям Петерс, англичанин, женился на мне, надеясь на миллионы... Мой брак распался очень скоро... Прошу всех понять, что я вернулась в город, где родилась почти 59 лет назад. Здесь моя школа, мой университет, мои друзья, дети и внуки... Я наконец дома. ЧЕГО ВАМ ЕЩЕ?.. Нас приняли,

как принимали блудного сына в библейские времена. Просьба о гражданстве удовлетворена быстро. Я надеюсь жить тихой частной жизнью...»

И обращаясь к иностранным журналистам, Аллилуева попросила: «Давайте же после этой встречи оставим друг друга в покое и займемся своими текущими делами» (*«Московские новости»*, 21 ноября 1984).

Но тихой мирной жизни не получилось. И надежды на близкие отношения с оставленными на родине детьми не сбылись. Да и отношения с советским правительством не сложились, и Аллилуева покинула Москву и поселилась в Грузии, где свое 60-летие отметила в помещении музея Сталина в Гори.

Но и в Тбилиси она не прижилась: через неполные два года в СССР Светлана Аллилуева написала письмо в ЦК КПСС с просьбой разрешить ей выезд за границу. После некоторых проволочек и мытарств в ноябре 1986-го ей было разрешено вернуться в США. Уехав, дочь вождя еще раз продемонстрировала свой резкий и непредсказуемый характер: она отказалась от гражданства СССР. Не будем спрашивать: а как же Родина, где школа, университет и все родное? Дело было, наверное, не только в неудаче человеческих контактов, но, очевидно, в общей атмосфере страны, от которой Аллилуева отвыкла.

Уехала Светлана Иосифовна и пропала. Ходили слухи, что живет она то ли в Англии, то ли в Америке, то ли в Швей-

царии. Что перенесла инсульт. А потом следы ее обнаружили в Америке, в Висконсине, в «доме поддержки престарелых» города Мадисон под именем Ланы Петерс (это имя она взяла себе, когда вышла замуж в 1970-м за Уильяма Петерса). Живет дочь «брутального диктатора», как называют американские журналисты Сталина, в однокомнатной квартире обособленно и одиноко. Читает книги, слушает радио, гуляет с палочкой (ноги болят). Не любит телевизор и яростно костерит советскую власть. Написала довольно жесткие мемуары о Сталине. Избегает общения с журналистами. Лишь в 2008 году ее уговорили сняться в документальном фильме «Светлана о Светлане».

Дочь вождя, диктатора и тирана, носившая в разное время разные имена и фамилии: Светлана-Фотина-Лана Аллилуева-Петерс, – скончалась 22 ноября 2011 года в доме престарелых в уже упомянутом штате Висконсин от рака в возрасте 85 лет. Затем по желанию дочери ее прах был отправлен в Портленд, штат Орегон.

Так завершилась жизнь дочери Надежды Аллилуевой (то ли покончившей с собой в далеком 1932 году, то ли убитой самим вождем) и Иосифа Сталина. А родилась она 28 февраля 1926 года.

«Смерть превращает жизнь в судьбу», – говорил Андре Моруа. В случае Светланы Аллилуевой – удивительную судьбу с драматическими поворотами.

Аркадий Белинков: легенда советской интеллигенции

И кто является этой легендой? Николай Островский? Александр Фадеев? Михаил Шолохов?.. Нет, нет и нет! Да же не Осип Мандельштам, не Ахматова и не Пастернак. И не бедная, зажатая в вечном гетто Марина Цветаева. Да, все они творили. Страдали. Строили свою жизнь, как им позволяла эпоха. Но они не бросали вызов судьбе, не боролись с властью, не выносили смертный вердикт режиму. А вот **Аркадий Белинков** бросил дерзкий вызов системе и вынес ей приговор, будучи обвиненным и жертвой, а отнюдь не прокурором и судьей.

«Безумству храбрых поем мы песню!» Это Горький. А Пастернак пытался определить безумца, взявшегося за слово как за сверкающий на солнце топор: «А сзади, в заре-ве, дурак, герой, интеллигент...» Белинкова можно определить именно так: человек не от мира сего, герой-одиночка и, конечно, истинно русский интеллигент с широким взглядом на порядок вещей. Он и своим внешним видом, манерами походил на старорежимного интеллигента в пенсне а-ля Чехов: неизменная шляпа, почти изысканная одежда, мягкая церемониальность в обращении с людьми: «Полноте, голубчик! Это же Россия!» Короче, необыкновенный, причудливый, экстравагантный человек – Аркадий Викторович Бе-

линков.

Конечно, Белинков – легенда. Но легенда лишь для узкого литературного круга. Писатель, литературовед. Но писатель необычный, а литературовед вообще удивительный. Скорее даже не литературовед, а исследователь литературного процесса в контексте истории страны и государства, и избранный им способ повествования бесконечно далек от традиционного литературоведческого языка.

Но позволено ли сказать социуму то, что ты видишь и как понимаешь происходящее вокруг тебя и в мире? В советские времена – категорически нет! Увиденная картинка и подпись под ней непременно должны пройти цензурные ворота. И сезам может не отвориться... Это возмущало и даже бесило Белинкова. Возмущаясь, он терял свою интеллигентность и переходил на базарный крик.

Когда стало окончательно ясно, что Белинков кардинально разошелся с советской литературой, он написал страстное письмо в Союз советских писателей (20 июня 1968). Вот отдельные фрагменты из этого пылающего гневом документа:

«...Нужно было уничтожить все, что носило блеск дара, ибо дар нетерпим ко злу. Стране навязывали тягчайшее зло: царствование бездарностей, Союз писателей был придуман для того, чтобы управлять литературой (ставшей наконец «частью общепролетарского дела»)... Власти нужно было воспитать злобных и преданных скотов, готовых развязывать войны, убивать инакомыслящих и единомышленников,

дуть в торжественную фанфару славы замечательного человека, которому удалось истребить самое большое количество людей на земле...

Советская власть несправима, неизлечима. Ее смысл и цель – в безраздельном и безудержном господстве над людьми, и поэтому свое полное и совершенное выражение она получила в тиранах, из которых Ленин еще не все мог, потому что не успел уничтожить оппозицию, а Сталин мог все, потому что оппозицию уничтожил. Сталин стал самым чистым, самым высоким и самым выразительным воплощением советской власти. Он – ее символ, портрет, знамя...

...Нужна сильная личность, чтобы обуздать наконец этих вечных врагов полицейского государства – этих мальчишек, художников, поэтов, евреев. И сильная личность действительно начинает всегда с обуздания их...

Существа, стоящие во главе Советского государства, душат свободу, растаптывают человеческое достоинство и истребляют национальную культуру не только потому, что они плохие политики, но и потому, что они обречены душить, растаптывать и уничтожать...

Страна рабов, страна господ... Страшно с вами рядом, читать ваши книги, ходить по вашим улицам...».

И в конце письма:

«...без меня, без меня. Ни вам, ни мне разлука не принесет горечи и печали. А расправиться со мной вы успеете этой ночью.

Я возвращаю вам билет Союза писателей СССР, потому что считаю недостойным честного человека пребывание в организации, с собачьей преданностью служащей самому жестокому, бесчеловечному и беспощадному политическому режиму всех веков человеческой истории... бездарное и шумное, бьющее в неумолкающий барабан побед и успехов бесплодное и беспощадное государство».

Легко представить, как кто-то из руководителей Союза писателей читал письмо Белинкова, брезгливо морщился, нервно закуривал и негодовал: «Пасквилянт!.. Антисоветчик!.. Вражина!.. к стенке бы его и шлепнуть!..» Бросал папиросу и с раздражением нажимал кнопку звонка, вызывая секретаршу: «Принесите мне чай с лимоном!» Потом жадно пил большими глотками и, никак не успокоившись, включал радиоприемник. И снизошла партийная благодать: из радиоприемника зазвучал мощный и уверенный голос:

За столом никто у нас не лишний.
По заслугам каждый награжден.
Золотыми буквами мы пишем
Всенародный Сталинский Закон.

Этих слов величие и славу
Никакие годы не сотрут.
Человек всегда имеет право
На ученье, отдых и на труд

С каждым словом песни босс от литературы светлел лицом и, когда грянул припев, тихонечко стал подпевать, постепенно форсируя звук собственного голоса:

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов полей и рек,
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек...

«Ай да Лебедев! Ай да Кумач! Какие прекрасные слова сочинил!» – громко, на всю комнату сказал руководитель Союза советских писателей, обращаясь к невидимой аудитории, и сбросил со стола письмо Белинкова...

Это, можно сказать, видение из прошлого. А ныне кто-то из молодых все свои эмоции от письма Белинкова сведет к короткому «Круто!». Круто – это почти ничего. Письмо Аркадия Белинкова – это монолог воина, идущего на смертельную схватку с Голиафом и точно знающего, что ему не победить. Но какая сладость – погибнуть в неравной схватке с сильным врагом...

И откуда берутся подобные смельчаки-смертники, от Аввакума до Белинкова? Отвечаю: из народных масс, они – дети обычных родителей и отнюдь не потомки греческих богов.

Аркадий Викторович Белинков родился 29 сентября 1921 года в Москве в семье рядовых еврейских интеллигентов. Мать, Мирра Наумовна, принадлежала к комсомолкам

20-х годов, никогда не держала в руках револьвера, но остро чувствовала правду и защищала справедливость. Педагог по образованию и сотрудница научного центра детской книги. А еще вела шахматный кружок при Доме юных пионеров. Отец, Виктор Лазаревич, неприметный и тихий экономист, работник Госплана и Наркомата легкой промышленности. Ничем особенно не выделялся. А вот сын!..

Аркадий Беленков с детства страдал пороком сердца, но это не помешало его творчеству. Начинал как романтик, но быстро расстался с романтическими мечтаниями. Учился в Ленинградском институте имени Горького и в МГУ. На фронт ушел добровольцем. В качестве корреспондента ТАСС входил в комиссию, занимающуюся расследованием разрушений, причиненных немецкими войсками историческим памятникам.

Но все годы войны Белинкова не отпускали чары любимой литературы. Он был рожден литературой, дышал литературой и жил ради нее. В качестве дипломной работы написал роман «Черновик чувств». И с удовольствием читал его знакомым и студентам. Естественно, нашлись доносчики и сообщили, куда следует.

«В ноябре-декабре 1942 года Белинков у себя на квартире читал мне рукопись романа «Черновик чувств» и отдельные свои стихи. В «Черновике чувств» Белинков протаскивает мысль, что у него с героиней во время войны должна быть личная жизнь и окружающие события и действительность

его не интересуют... Роман написан в виде анекдотов и весьма вычурным языком. Белинков хвалился, что этот роман будто бы понравился писателям Шкловскому и Асееву...»

Роман «Черновик чувств» был аполитичным и нарушал все нормы и правила военного времени: где враг? Где доблесть сражающихся воинов? Где патриотические призывы?.. Ничего этого нет. А что есть? Главные герои – Аркадий (полное совпадение героя романа и его автора) и две дамы – Марина и Литература. С Мариной герой ведет разговоры о книгах, о живописи, о музыке и философии. А Литературой постоянно восхищается.

«Я был разрушителем и понимал, что если бы я родился 35 лет назад, то, вероятно, стал бы революционером. Хотя бы из одного чувства оппозиционности. Но теперь, из тех же соображений, я никак не могу быть революционером.

– Милый мой! Милый! Вас непременно посадят! Конечно, посадят! Господи! Сколько вы говорите лишнего! И с кем! С половыми о декадентах...»

Не случайно, а сознательно Белинков взял эпитафией к своему «Черновику» слова Пастернака:

Опасно в дни великого совета,
Где высшей страсти отданы места,
Оставлена вакансия поэта,
Она опасна, если не пуста.

Понимая и предчувствуя все это, Белинков смело двинул-

ся по краю бездны. Шел 1943 год, полыхала война, а он вытащил на свет свой «Черновик чувств» и вызвал, естественно, совсем иные чувства у правильно мыслящих людей. Сначала Белинкова выгнали из комсомола. На общей проработке мятежного молодого писателя директор Литинститута напомнил ему о работе Ленина, о партийности и массовости литературы, на что Белинков дерзко ответил: «Я с Лениным не согласен». 29 января 1944 года последовал арест. На допросах Белинков продолжал упорствовать и утверждать, что литература должна быть оторванной от действительности и не зависеть от нее:

«Литература должна развиваться по своим собственным, свойственным ей законам, не зависящим от действительности и социальной среды».

У охранительных органов было другое мнение, они посчитали роман Белинкова, стихи и другие изъятые у него бумаги, а также то, что он вел литературный кружок, «антисоветской деятельностью» с беспощадным приговором: расстрел!.. За талантливого молодого человека вступились Алексей Толстой и Виктор Шкловский, и им удалось смягчить приговор: всего лишь 8 лет лагерей.

В лагере под Карагандой Белинков проявил себя стойко, не прогнулся и не застрессовал. У этого изящного, миниатюрного «гнилого» интеллигента оказалась крепкая мужская суть. В лагере он прошел все общие работы, потом был определен в помощники фельдшера и даже тайно писал рас-

сказ «Человечье мясо», пьесу «Роль труда в процессе превращения человека в обезьяну» (вызов дарвинизму и марксизму), едкий памфлет «Россия и Черт».

Бдительные надзиратели обнаружили рукописи, и Белинкову вынесли 28 августа 1951 года новый приговор: 25 лет заключения. За то, что «занимался изготовлением и хранением рукописей антисоветско-террористического содержания». И Белинков был отправлен в лагерь строгого режима в Спасске. Итого 33 года жизни без свободы, в неволе...

Но история сжалилась над ним и другими жертвами режима: в марте 1953 года умер Сталин, и из тюрем и лагерей по амнистии стали возвращаться невинно осужденные люди.

Осенью 1956-го получил свободу и Белинков. Ему исполнилось 35 лет. Он вернулся в Москву спустя 13 лет. Был восстановлен в Литературном институте. Ему предстояло пройти четыре курса, сдать госэкзамены, защитить диплом. Все это Белинков сделал меньше чем за полтора месяца. В течение трех недель он сдал на пятерки все зачеты и экзамены, причем сдавал не готовясь – все, что нужно было знать, он прочел и запомнил еще до войны. Сдавал по несколько экзаменов в день. Выпускные – по истории русской и советской литературы и по политическим дисциплинам – тоже сдал в один день. Оставался диплом. Конспект написанного в лагере «Тынянова» на 100 страницах Белинков набросал за неделю. Защита прошла на ура, и ему вручили диплом с отличием.

Нового преподавателя студенты встретили восторженно и слагали о нем легенды на свой лад, что на фронте заслужил награды и критиковал самого Сталина за неумелое руководство Красной армией. Но больше всего студентам импонировало то, что Белинков обладал феноменальной эрудицией и такой же феноменальной памятью: слушать его лекции было захватывающе интересно. А самого Белинкова тянуло к другому, к письменному столу. И он целиком сосредоточился на научно-исследовательской работе. В частности, подготовил статью об Александре Блоке для первого тома Литературной энциклопедии. Но главное для Белинкова, конечно, своя книга.

О любимом Юрии Тынянове Белинков начал писать еще в лагере в голове, полагаясь исключительно на память; выйдя на волю, записал то, что было уже сделано. Тынянов был для Белинкова кумиром еще со студенческих лет. В герое тыняновского романа «Смерть Вазир-Мухтара» Белинков видел писателя, который «восстал против мнения света» и восстал «как прежде» один, потому что «восстают только те, кто обладает простым и редким даром честно смотреть на то, что делается окрест, и кто обладает самоотверженностью и силой сказать, что делается что-то непростительное». Кафкианская новелла Тынянова «Поручик Киже» притягивала Белинкова темой всевластия бюрократии, всевластия мнимости, призрачности, миража, всеобщей подмены. В своей книге о Юрии Тынянове он писал о том, что и его волновало в

обществе и что объединяло с Тыняновым. Разница была одна: Белинков писал резче, чем Тынянов, как бы наотмашь.

Книга о Тынянове вышла в 1960 году и повторно – в 1965-м. И была встречена большинством читателей с восторгом. «Талантливо!» – так отозвался в «Литературной газете» Виктор Шкловский, а Корней Чуковский определил Белинкова как литературоведа № 1.

Своей книгой Белинков широко раздвинул рамки привычного литературоведения и вписал жизнь в кипящий исторический ряд. Книга была написана ярко, темпераментно, искрящимся русским языком. А как же иначе: книжник о книжнике.

Вслед за Тыняновым Белинков приступил к книге об Юрии Олеше и назвал ее снайперски точно: «Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша». На примере Олеси Белинков разбил в пух и прах господствующий в те годы конформизм, показал, как революция обернулась для многих интеллигентов подлинной трагедией. Олеша пошел в услужение новой власти и сразу потерял свой волшебный писательский дар. Сдача в плен закончилась гибелью...

Две главы «Сдачи и гибели» были опубликованы в журнале «Байкал», что стоило главному редактору должности. А в издательстве «Советский писатель» рукопись была заморожена. Внутренние рецензии были полны негодования против Белинкова: что он себе позволил?! Называли Белинкова Васисуалием Лоханкиным. Лишь проницательный Саму-

ил Маршак понял направление инвектив Белинкова, отвечая на нападки: «А при чем тут Олеша? Разве книга об Олеше?.. Ведь это же Герцен!»

Венгерские события 1956 года и советские танки в Будапеште разъярили Белинкова, и он возложил часть вины за эту агрессию на своих коллег-писателей, покорных при-служников режима, не способных поднять свой голос против. Даниил Данин вспоминал, как в тот период Белинков кричал в исступлении: «Я листовочник! Я уничтожу Олешу, Каверина, Шкловского. Я буду уничтожать нашу интеллигенцию-потаскуху!» То есть доминантой творчества Белинкова являлась ненависть к несправедливой власти, к тоталитарной системе правления и ее обслуге, среди которой выбрал именно Олешу, хотя тот был не самым ретивым из конформистов и лизоблюдов.

«Но ведь надо как-то жить» – это не философия Белинкова. Это сдача художника в плен. Это пораженчество!..

Рукопись «Сдачи и гибели советского интеллигента. Юрий Олеша» не превратилась в книгу. Более того, на репутации Белинкова выжгли клеймо антисоветчика. Предыдущую книгу о Тынянове изъяли из всех библиотек страны. Опальный автор лишился всякой литературной работы. Умолк телефон. От Белинкова на улице шарахались как от прокаженного. Так называемые патриоты называли его «антисоветской сволочью».

Разумеется, так долго продолжаться не могло. Заметно

пошатнулось здоровье Аркадия Викторовича, и весной 1968 года Белинков с женой поехали в Венгрию немного подлечиться. Удивительно, как его выпустили. Из Венгрии Белинков перебрался в Югославию, а там свободные границы, и... Белинков эмигрировал на Запад, тем более что ему сообщили, что в Москве в доме прошел обыск и увезены все его бумаги и архив на предмет внимательного изучения. Белинков понял, что возвращение смерти подобно, и рванул на Запад.

Побег сквозь железный занавес дался Белинкову нелегко. Уже в Америке (Спринг-Вэлли, штат Миннесота), куда он попал через Мюнхен и Рим 9 апреля 1968 года, буквально накануне подавления Пражской весны, Белинков написал то ли рассказ, то ли исповедь и назвал его «Побегом». Вот один из отрывков:

«...Кривая роста сталинизма все настойчивее выпрямлялась и встала угрожающе прямо. Как палка... Нужно было понять, решиться понять, что мое странное существование в советской литературе кончено... Я сообщил своим друзьям на Западе, что теперь нужно печатать мою книгу «Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша», рукопись которой была отправлена за границу сразу же за тем, как издательство потребовало от меня переделок, которые могли бы удачно превратить ее в другую книгу – «Победа и возрождение советского фашиста. Михаил Шолохов».

Решив печатать несомненно враждебную советской власти книгу в свободной стране, я счел свои взаимоотношения

с советской литературой законченными. И поэтому мое пребывание в Союзе писателей Кочетова и Федина, Софронова и Шкловского, Ермилова и Славина совершенно противоестественно, и я должен из этого Союза уйти...»

Белинков решил не только уйти из Союза писателей, но и уехать из страны, «где тебя из корысти, страха и преданности выдаст первый пионер, последний пенсионер...».

И продолжая «Побег»:

«Когда поезд тронулся, я заглянул в паспорт. В голубоватом его небе висел черный орел Федеративной Республики Германия...

– Куда мы едем? – синея от страха и бешенства, просипел я.

– В Федеративную Республику Германия, – как мне показалось, пошутила Наташа. – Все переменилось. Я забыла тебе сказать. Между прочим, шведских уже не было. Расхватали.

Уходила, убывала, таяла земля великой России, гениальной страны, необъятной тюрьмы. Из этой страны-тюрьмы пытался бежать Пушкин и бежал Герцен. Прощай, прощай, прощай, Россия. Прощай, немытая Россия. Прощай, рабская, прощай, господская страна...

Я десять раз видел смерть и десять раз был мертв. В меня стреляли из пистолета на следствии. По мне били из автомата на этапе. Мина под Новым Иерусалимом выбросила меня из траншеи. Я умер в больнице 9-го Спасского отделе-

ния Песчаного лагеря, и меня положили в штабель с замерзшими трупами; я умирал от инфаркта, полученного в издательстве «Советский писатель» от советских писателей, перед освобождением из лагеря мне дали еще 25 лет, и тогда я пытался повеситься сам. Я видел, как убивают людей с самолетов, как убивают из пушек, как режут ножами, пилами и стеклом на части, и кровь многих людей лилась на меня с нар. Но ничего страшнее этого прощания мне не приходилось пережить. Мы сидели вытянутые, белые, покачивались с закрытыми глазами...»

Вдогонку Белинкову понеслось шипение «Литературной газеты», что «теперь он может свободно клеветать на свою родину, лежа на канаве, вслух предаваться размышлениям о собственной роли в истории русской интеллигенции». И вновь затертое сравнение с Лоханкиным...

В цитированном уже письме от 20 июня 1968 года Белинков писал:

«Я не состою в вашей партии. Не пользуюсь большими привилегиями, нежели те, которыми пользуется всякий работающий человек в вашем государстве. У меня нет ваших чинов и ваших наград. Не стыдите меня высшим образованием, квартирой и поликлиникой, августейше дарованными вашей властью. Не попрекайте меня хлебом, который я ем, и салом, которое я не люблю. Я отработал ваш хлеб, ваш кров 13 годами тюрем и лагерей, номером 1-Б-860, которым вы меня наградили. Для того чтобы учиться, получить кров и

хлеб, необязательно еще иметь и советскую власть с тюрьмами и цензурой. Все это имеют даже народы, стонущие под игом империализма. Но вы не можете ни хвастать, ни попрекать, ни судить, ни уничтожать. Вы сожгли мои старые книги и не издаете новые...»

И в итоге:

«Я возвращаю вам свой билет Союза писателей СССР...»

В другом письме, конгрессу ПЕН-клуба, Белинков выразил свой протест западным русистам, которые охотно принимают приглашение приезжать в СССР и не хотят видеть ни язв, ни пороков социалистической системы. Пребывают в иллюзии, что все хорошо и замечательно. Белинков потребовал от русистов Запада активной позиции неприятия советского тоталитаризма. «Советскую власть уничтожить нельзя. Но помешать ей вытоптать все живое – можно. Только это мы в состоянии сделать. И это стоит того, чтобы бороться и умереть».

Аркадий Белинков был человеком «прямого текста» и никаких фиг в кармане не складывал. Все напрямую, все на чистоту, в лоб. Недаром его кумирами были Радищев и декабристы. В нем самом был заложен мощный заряд мессианства: он считал своей сверхзадачей сокрушить советский режим как несправедливый, построенный исключительно на лжи. И тут Белинков смыкался с Солженицыным, призывающим «жить не по лжи».

Вырвавшись на Запад, Белинков не получил, однако, ни

покоя, ни неги. Лишь некоторое благополучие и комфорт. Преподавал в Йельском и Индианопольском университетах. Но душевного спокойствия не обрел, ибо Запад, по свидетельству жены Льва Копелева Раисы Орловой, Белинкова не принял. Запад в смысле интеллектуальной среды, пребывающей в иллюзиях относительно Советского Союза и считавшей СССР «форпостом свободы». И это оказалось для Белинкова страшным ударом. Его больное сердце не выдержало этого испытания, и 14 мая 1970 года в возрасте 49 лет Аркадий Викторович Белинков умер в Нью-Хейвене, штат Коннектикут.

Сразу после смерти Белинкова два издательства – американское и голландское – разорвали контракт на издание его книги о Юрии Олеше. И только благодаря титаническим усилиям вдовы Натальи Александровны Белинковой-Яблоковой книга «Сдача и гибель» увидела свет спустя шесть лет. Книга вышла в Мадриде в 1976 году крошечным тиражом. Ее заметили, хвалили, но, как справедливо заметил Бенедикт Сарнов, художнику комплименты не нужны. Ему нужно понимание (а мертвому вообще ничего не нужно). До настоящего понимания смысла и характера своего труда Аркадий Викторович, увы, так и не дожил.

Белинкова поняли и оценили по прошествии многих лет, когда было напечатано все, что осталось неуничтоженным из его архива. Вдова Наталья в 1985 году добилась получения из архива ФСБ рукописи «Черновика чувств», наброски из

книги об Анне Ахматовой и ряда других произведений Белинкова.

Конечно, очень жаль, что не была завершена трилогия о писательских судьбах. Юрий Тынянов благополучно проскочил и имел успех. Книга о личности, которая сумела сохранить себя и тихо вписаться в контекст эпохи. Вторая книга – это об Юрии Олеше, талантливом человеке, который сам себя сгубил, избрав дорогу конформизма. А третья книга осталась неосуществленной. Идея – писатель, сопротивлявшийся системе, отстаивающий своя «Я», бросающий вызов режиму. Белинков долго выбирал героя, то Ахматову, то Булгакова, то Солженицына, и наконец остановился на последнем, сумевшем противостоять давлению мощного тоталитарного государства и остаться самим собой. Главный посыл трилогии Белинкова – несовместимость свободы творчества с целями тоталитарного монстра, несовершенство революции, которая на первых порах обещает свободу, а затем эту свободу грубо попирает ногами. И нельзя не привести отрывки из одной вещицы Аркадия Белинкова под названием «Яйцеживородящая проехидна».

Первый отрывок о революции:

«Концепция была такая: революция преобразует историю, но революция всегда стоит перед угрозой перерождения, спрятанного едва заметного сначала, а потом все более обнажающимися изменениями политики, быта, взаимоотно-

шения людей. Государство начинает существовать самостоятельно и вступает в непримиримое противоречие с первоначальным замыслом. С этого времени приобретают решающие значения силы, которые ставят под угрозу завоевание революции – свободу. Когда революция завершается, то исчезает все – свобода, равенство, национальное обновление, – делавшее революцию такой привлекательной, столь заманчивой для тех, кто был задушен самодержавием, цензурой, чертой оседлости, торжеством бездарности и победоносным шествием жандарма...

...Обойденные революцией люди начинают понимать, что вооруженный переворот лишь передал власть из одних рук в другие, не изменив природы самой власти, всегда обращенной против свободы, равенства и национального обновления...»

О системе:

«В чреве системы не завязывается чужой плод. Яйцеживородящая проехидна не может произвести даже ветвистоустого жибронога. Яйцеживородящая проехидна может произвести только яйцеживородящую проехидну. Деспотическая система быстро и яростно рождает деспотов...

Литература не однажды отмечала, что народ сам строит для себя тюрьмы, возводит виселицы и выкармливает окололочных надзирателей...

Тиранические системы неисправимы, не должны быть и

не могут быть исправлены. Они могут быть только уничтожены. Важно понять, что тиранические системы не бывают хуже или лучше: они бывают только омерзительны...»

О вождях, лидерах, генсеках и президентах:

«...Многие исторические деятели видят смысл своей жизни в убийствах, обмане, удовлетворении своего тщеславия, подавлении других людей, в попрании чужих прав и унижении человеческого достоинства, в уничтожении людей, думающих иначе...

Эстеты и снобы не могут этого стерпеть. Они возмущенно восклицают, делая при этом разнообразные жесты:

– Ах, какие они дураки! Ах, какие ничтожества! Ах, какие у них хари! Мы этого не можем вынести.

Тут все неверно, кроме блестящего по точности наблюдения над красотой харь.

Обладатели упомянутых харь не дураки и не ничтожества. Они лучшие представители своего общества, общества толстяков. Ничтожно их общество, а они часто хорошие, иногда даже замечательные исполнители гнусного дела своего ничтожного общества.

И ума им довольно. И хари у них замечательные. У них именно такой ум и ровно такие хари, какие нужны их времени и их системе».

О режиме:

«Самый гнусный самодержавный режим никогда не бывает всегда во всем и для всех гнусен...

Замечательные теории, удивительные машины и поразительные рекорды – это лишь сверкающие перстни на пальцах режима. Пальцы же, униженные перстнями, могут душить так же прекрасно, как пальцы без перстней...»

О конфликте между поэтом и обществом:

«Из-за чего возникает конфликт между поэтом и обществом?

Из-за того, что поэт по своим физиологическим и профессиональным свойствам и обязанностям наблюдает за обществом, видит, каково оно, и рассказывает, что видит. Общество же не хочет, чтобы рассказывали о том, как оно отвратительно...

Между художником и обществом идет кровавое, неумолимое, неостановимое побоище: общество борется за то, чтобы художник изобразил его таким, каким оно себе нравится, а истинный художник изображает его таким, какое оно есть...»

Но, к сожалению, истинных художников чрезвычайно мало. Художников – борцов за правду, истинных реалистов насчитывается единицами. В условиях цензуры, запретов и табу им тяжело не только писать, но и дышать. И что делать? Как жить? Задавал вопросы Белинков и размышлял об аль-

тернативах:

«Это значит, что в годы, когда все запрещено, задавлено, заперто и забито, когда не видно просвета и в ночи лишь с гиканьем проносятся оруженосцы и запевалы режима, давя все, что подвернется под копыта, нужно сидеть и горько покачивать головой? Или, может быть, спотыкаясь, бежать за оруженосцами и запевалами режима? Неужели остается лишь покачивать головой и бежать?»

Именно отсюда проистекает «сдача и гибель советского интеллигента Юрия Олеши». Он решил действовать согласно давним российским традициям: «Вот они! Вот они! Королевские стукачи, тамбурмажоры, барабанщики империи! Вот они, не сгибаясь, идут по дорогам империи». И какая пестрая «кавалькада-толпа: российские мракобесы, жандармы режима, повара обожания, лакеи уважения, золотари прогресса, обозники веры, все черное, серое, грязное, что за века накопила империя, обдавало грязью, травило и оплевывало Запад, который создал «Декларацию прав человека и гражданина», «Энциклопедию, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел», который в июле 1789 года снес Бастилию, а в 1830-м сверг Бурбонов, в 1848-м – Орлеанов, в 1870-м – Бонапартов: с осатанением рычало на Запад с ненавистным его парламентом, с мерзкой его конституцией, с проклятой ихней свободой печати, с гнусным его благоговением перед личностью и достоинством». Примерно так писал о Белинкове незашоренный публицист Игорь Дедков

в апреле 1991 года в киногазете «Зеркало».

Разбилось «Зеркало», ушли из жизни Белингов и Дедков, но проблема ненависти к Западу осталась и запылала сильнее и ярче в 2014 году. И каждый интеллигент решает, как ему быть: бить в барабан и петь в общем хоре осанну власти или стоять в стороне, погружаясь в себя, чтобы не слышать, как «грохочут сапоги» истории. Этих «или» много, и надо выбирать по своим интеллектуальным и психологическим параметрам. И не обязательно повторять опыт и путь Аркадия Белинкова. Или уподобляться Юрию Олеше, тончайшей «ветви, полной цветов и листьев», но не выдержавшей холодных ветров.

Выбор – это камень на шее каждого.

октябрь 2014

Анатолий Кузнецов: пропавший шестидесятник

Так называлась публикация в «Независимой газете» (13 ноября 1999) с подзаголовком «Почему не любят вспоминать о писателе Анатолии Кузнецове?».

Сам я вроде и читал пару книг Анатолия Кузнецова, но помню их смутно, биографией его никогда не интересовался и потому целиком доверяю автору «НГ» Андрею Лученкову и изложу фактуру, как говорится, с его подачи. Итак.

Кузнецов Анатолий Васильевич (Киев, 18 августа 1929 – 13 июня 1979, Лондон). Юный Толя жил на оккупированной немцами территории. Ходил по Бабьему Яру и находил там человеческие кости расстрелянных фашистами жертв. И увиденное было его крестом, он стал свидетелем не человеческого суда – Высшего. И это позволило ему создать роман-документ «Бабий Яр», даже в резанном цензурой виде потрясший читателей не менее «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына. А прозвучала книга еще и потому, что тема эта была закрытой для советских людей. А что удивляться? Даже материалы Нюрнбергского процесса в Советском Союзе так и не были полностью опубликованы...

А начинал свое писательство Анатолий Кузнецов в «Пионерской правде», где получил премию за короткий рассказ в 1946 году. Далее работал на стройках гидростан-

ций в Каховке и Иркутске. Описал жизнь молодых рабочих в книге «Продолжение легенды. Записки молодого человека» (1956), которая принесла ему широкую известность. Василий Аксенов, Анатолий Гладилин, Георгий Вадимов, Анатолий Кузнецов – литературные звезды 50–60-х годов. И заметим в скобках: все в будущем эмигранты... Кузнецов считался родоначальником «исповедальной прозы» и, разумеется, был принят в Литературный институт, которой и окончил в 1960-м.

Автор «НГ» считает, что Анатолий Кузнецов – персонаж оруэлловский, как и герой романа «1984», он ненавидел советскую власть исподтишка. В официальной же жизни сидел в президиумах партсобраний, произносил не только дозволенные, но и излишне хвалебные речи, пользовался всеми благами, что ему причитались.

Никаким диссидентом он не был, лишь в личной жизни проявлял себя подчеркнуто богемно. Из Москвы по неизвестным причинам переехал в Тулу и жил там несколько лет в трехкомнатной квартире (что уже ого-го!) и возглавлял партийную организацию тульского отделения Союза писателей. В квартире собирались местная знать и приезжая богема из Москвы – писатели, актеры развлекались в компаниях милых девушек. Окна частенько не зашторивались, и изумленные туляки видели свободно расхаживающих обнаженных женщин. По рукам ходили номера запрещенного в СССР журнала «Плейбой», да и сам Кузнецов увлекался

эротическими фотосъемками.

С первой женой Ириной Марченко Анатолий Кузнецов расстался, гражданской женой и литературным секретарем являлась Надежда Цуркан. После побега Кузнецова Надежду лишили материнских прав и отобрали ребенка, сына Анатолия. Она из Тулы переехала во Львов, но и там ей мстили местные органы, в итоге ей удалось эмигрировать в США.

Ну а теперь о главном беглеце.

Автор публикации в «НГ» задает вопрос: что же случилось? А то, что первый известный советский писатель попросил политического убежища. Удар под дых Системе, которая была уверена, что именно этот с крючка не сорвется. А Кузнецов не просто сбежал: он вещал на весь мир – разоблачал себя в сотрудничестве с КГБ и развенчивал советскую власть.

Кузнецов вывез на Запад микропленку, на которой были сохранены вырезанные цензурой куски из «Бабьего Яра». В последующем английском издании писатель выделил эти выброшенные куски и дописал еще какие-то дополнительные. В Англии он написал роман «Попытка спасения», но не дописал его до конца. Выступал с комментариями по радио, но ничего значительного литературного не создал. Кстати, писал под псевдонимом – А. Анатоль. А в основном прожигал жизнь – путешествия, женщины... Женился на польской журналистке, которая родила ему дочь. И умер загадочной смертью. Власть всегда мстила своим политическим вра-

гам самыми разнообразными способами, от удара ледорубом по голове (Лев Троцкий), с устройством замыкания электропроводки (Александр Галич) или отравлением радиоактивным полонием (в случае с Александром Литвиненко). Советские спецслужбы грубо или изощренно расправлялись с изменниками родины....

Биографов у Анатолия Кузнецова нет, не все архивы открыты, и остается Анатолий Кузнецов неудобной фигурой в советской литературе.

В 2003 году вышла книга Георгия Анджапаридзе «Не только о детективе», в ней есть глава, связанная с Кузнецовым. В июне 1969 года Кузнецов возглавил маленькую делегацию в Лондон, куда входил и молодой аспирант Анджапаридзе. Цель командировки – собрать материалы о II съезде РСДРП, проходившем в Лондоне, благодатная тема в связи с грядущим 100-летием Ленина. И в первый же вечер пребывания в английской столице Кузнецов предложил своему молодому коллеге пойти посмотреть стриптиз (всегда хочется того, чего нет в своей стране).

В один из дней июля у Кузнецова возникла идея посетить Музей восковых фигур мадам Тюссо, потом он отказался от нее, вернулся в отель. А затем куда-то отправился из него и... пропал. Пошел прогуляться по лондонскому дождичку и назад не вернулся. На следующий день с экранов телевизора объявили: «Сегодня советское посольство в Лондоне официально обратилось в Министерство внутренних дел и в Скот-

ланд-Ярд в связи с исчезновением вчера вечером советского писателя Анатолия Кузнецова».

Кузнецова показали по телевизору только через две недели. В своем интервью он понес какую-то жуткую околесицу: ради того, чтобы иметь возможность ездить за границу, он стал осведомителем КГБ и писал доносы, в частности на Евгения Евтушенко. Кузнецов мог сказать что-то более весомое, типа: «Я был убежденным коммунистом, но агрессия СССР против Чехословакии в 1968 году открыла мне глаза, и я разочаровался...» Но Кузнецов ничего подобного не сказал, а отметил лишь свои доносы на коллег и желание на надувной лодке переплыть Черное море. Мол, было такое желание, но помогла именно поездка в Лондон...

Выскажу свою версию. Очевидно, Анатолий Кузнецов был слабым человеком, не бойцом, какими были многие советские диссиденты той поры, как Анатолий Марченко или генерал Григоренко. Когда на него наехали соответствующие инстанции за дерзость написать про «Бабий Яр», он тут же взялся за роман «Огонь» – о строительстве металлургического комбината. И ему постоянно казалось, что за ним все время следят, пасут органы т.д. А когда вызвали в КГБ да приперли к стене, то он легко сломался. Там умели ломать и стальных людей, а Кузнецов был далеко не из стали.

Борис Полевой приманивал его работой в журнале «Юность», но Кузнецов не клонул. Бросил свою библиотеку и отдал свой партийный билет приятелю по писательской

организации Тулы Александру Лаврику со словами: «Береги его, это самое ценное, что у меня есть». И это что? Издевательство или насмешка? Или кирпичик в свою твердокаменную биографию?.. Короче, некоторые признаки паранойи: не все выдерживают двойную жизнь – верность режиму на людях и внутреннюю оппозиционность в душе. Огонь инакомыслия сжег Анатолия Кузнецова изнутри. Хотя, возможно, это было и не совсем так...

Что делал Анатолий Кузнецов на Западе? С ноября 1972 года работал в лондонском отделении радио «Свобода», выступал в еженедельной программе «Писатели у микрофона». Писал роман, но так и не закончил его. Регулярно поддерживал связь с матерью Марией Федоровной и отправлял ей чуть ли не ежедневно почтовые открытки, которые впоследствии были собраны его сыном в книгу «Между Гринвичем и Куреневкой. Письма Анатолия Кузнецова матери из эмиграции в Киев» (2002).

В начале осени 1972 года Анатолий Кузнецов слег с инфарктом. После того как его выходили английские врачи, он вышел на работу на радио. Снова слег и 13 июня 1979 года скончался у себя дома от остановки сердца, не дожив до 50 лет.

В 2009 году в Киеве был открыт памятник Анатолию Кузнецову. Он представлен в виде мальчика, читающего при свете фонаря указ фашистов в период оккупации о сборе евреев с вещами и ценностями. Слившиеся воедино писатель

и трагический Бабий Яр.

К сожалению, я не видел этот памятник. Но я хорошо помню прекрасный рассказ Анатолия Кузнецова «Актер миманса» (1968). Сам автор рассказа на роль солиста в литературе и политике не потянул. Лишь мелькнул в общем мимансе, поучаствовал в политических подтанцовках в период холодной войны между СССР и Западом.

Валерия Новодворская – вечный диссидент

Вот только несколько заголовков из газет и журналов: «Орлеанская дева во гневе», «Орлеанская дева России – патриот Америки», «Инсургент из Марьиной Рощи», «Меня можно только убить», «Валерия Новодворская – самая романтическая девушка нашего времени», «Антисовок», «На баррикадах отчаяния»...

О Новодворской в либеральных салонах отзывались с пренебрежительным смехом: ну куда лезет? чего добивается?.. Сытые и прикормленные обыватели с издевкой утверждали: чокнутая. Ей приклеивали ярлыки, обидные прозвища: Жабба, Сада Мазохистова. Есть такая пассия и т.д. Но только после ее смерти прозвучали нормальные достойные слова. На похоронах Алексей Венедиктов, главный редактор «Эха Москвы», сказал: «Она соединяла в себе два качества, которые кажутся несовместимыми: веселость и бесстрашие. Я больше таких людей не знаю!..»

Родовые корни

Предки Новодворской находились на разных ступеньках социальной лестницы: купцы, столбовые дворяне, револю-

ционеры. Один дед организовал первую социал-демократическую типографию в Смоленске, другой родился в сибирском остроге, в Гражданскую войну воевал в Первой Конной армии под командованием Буденного. Более дальние предки состояли в рыцарях Мальтийского ордена и т.д.

Родители отца Новодворской – Борух и Софья Бурштын – переехали в Советскую Россию из Варшавы в 1918 году (эмигранты). Ну а родители Валерии – уже советские люди: Илья Бурштын – инженер, участник Отечественной войны, после войны работал в одном из оборонных НИИ. Мать – Нина Новодворская – педиатр. Родители развелись в 1967 году, когда Лере было 17 лет, она осталась жить с матерью и бабушкой.

Ранние годы

Валерия Ильинична Новодворская родилась 17 мая 1950 года в белорусском городке Барановичи, куда родители приехали на отдых к своим близким. Лера росла болезненным ребенком и лечилась в санаториях. Но главное – характер. В одном из интервью Новодворская говорила:

«Я воспитывалась в семье среди взрослых. С детьми мне было неинтересно. Чуть став постарше, любила играть в д'Артаньяна, в Миледи – никогда. Подруг у меня не было. Росла мальчишкой девочкой...»

В другом интервью:

«Как это ни смешно сейчас звучит, но еще в нежном младенческом возрасте во мне проявился такой антиколлективизм и такой редкостный индивидуализм, что меня не взяли ни в ясли, ни в сад и даже выгоняли из всех детских санаториев, где меня лечили от астмы... В школе была совершенно аналогичная ситуация. Я училась сама по себе, как бы отдельно от советской системы образования. А когда меня в порядке трудового обучения школьников заставили обучаться шитью, то я наотрез отказалась. Это была, пожалуй, первая акция гражданского неповиновения. Но в школе были порядочные учителя, и мне многое прощалось за отличные отметки...»

Читать Лера научилась в 5 лет. За ее пристрастие к определенным серьезным книгам бабушка называла внучку революционеркой Лялечкой. В 16 лет Лялечка прочла полное собрание сочинений Ленина и почувствовала себя противницей вождя. И далее Новодворская:

«На танцы я не бегала и до сих пор не могу понять, как люди могут увлекаться такими глупостями. Зато усиленно занималась фехтованием, парашютным спортом и стрельбой. Но разведчицей так и не стала, а стала инсurgentом».

На вопрос, сильная ли она женщина, Новодворская ответила одному из журналистов с вызовом: «А я не женщина. Я инсurgent. А для повстанца пол не важен. Мы с товарищами – в одном партизанском отряде. У нас впереди баррикады, а на войне как на войне. Для врагов и для друзей женское или

мужское естество у борца – это не имеет значения».

А кто враги? Коммунисты и фашисты. И с ними надо бороться. А как же любовь? «До 16 лет в мое время любовью не принято было заниматься. К сожалению, мне не посчастливилось, как тургеневской Елене, встретить в юности оставшего болгарина. А позднее пришлось выбирать: любовь или революционная деятельность? Я предпочла второе...»

Валерия Новодворская окончила среднюю школу с серебряной медалью. Затем училась в Московском институте иностранных языков имени Мориса Тореза (французское отделение). С учебой пришло окончательное осознание, что страна не свободна (ГУЛАГ, процесс Синявского и Даниэля, ввод войск Варшавского договора в Чехословакию и т.д.). И Валерия решила спасти родину и организовала подпольную студенческую организацию, поставив перед собой цель – свержение государственного строя. «Тогда мне казалось, что надо бороться не с властью, а со всем строем».

В одном из интервью:

«Лет в восемь я стала антисоветчицей, потому что познакомилась с казарменным бытом в детском санатории «Чайка» в Анапе. В 15 лет я осознала всю ненависть к советской власти. Все завершило введение войск в Чехословакию. Стало понятно, что с этой властью надо бороться. Свобода – самая дорогая вещь в мире!...»

Диссидентство и заключение

Итак, Новодворская организовала группу студентов из 10 человек для борьбы с коммунистическим режимом за свободу и демократию. Помимо политических диспутов на семинарах по истории КПСС Новодворская подбила своих «заговорщиков» на публичную акцию: пойти 5 декабря 1969 года на праздничное представление оперы «Октябрь» в Кремлевский дворец и там, с балкона, разбрасывать листовки. Текст от руки написала сама Новодворская, что-то вроде сатирических строк: «Спасибо, партия, тебе за все, что сделала и сделаешь. За нашу нынешнюю ненависть, спасибо партии за все!...» Однако единомышленники отказались от этой опасной затеи, и Новодворская одна направилась в Кремлевский дворец и разбросала несколько десятков листовок. Как там у Максима Горького: «Безумству храбрых поем мы песню...»

Работники КГБ петь дифирамбы не стали, а 19-летнюю бунтарку Леру скрутили и арестовали, поместили в одиночную камеру Лефортовской тюрьмы. Полковник-психиатр из института Сербского хотел узнать, откуда у отважной студентки такой напор ненависти к партии, на что Новодворская объявила, что он – «инквизитор, садист, коллаборационист, сотрудничавший с гестапо». Новодворскую этапировали в Казань, а потом поместили на принудительное лечение в специальную психиатрическую лечебницу с диагнозом

«вялотекущая шизофрения».

«Мне не было страшно, – вспоминала Новодворская. – Я ведь и в аресте, пытках и в казни видела свой долг. Просто по-обывательски жить было нельзя. Бессовестно, невозможно...»

Позднее она напишет:

«Советская действительность – это же предельное унижение. Даже когда борешься с советской властью, испытываешь отвращение, потому что это все равно что бороться со спрутом – что-то скользкое и омерзительное.

В 1972 году Новодворская вышла на свободу, устроилась работать педагогом в детском санатории, затем воспитателем детского сада, библиотекарем. Но отнюдь не перековалась в «нормального» советского человека. Она продолжала заниматься распространением самиздатских изданий. А еще успела окончить в 1977 году вечерний факультет иностранных языков МОПИ имени Крупской. И, конечно, что-то писала, пыталась организовать подпольные партии. За свою неумную борьбу подвергалась обыскам, допросам, арестам, снова попадала в психиатрические больницы. И все это многократно.

8 мая 1988 года Новодворская приняла участие в создании первой оппозиционной партии в СССР «Демократический союз». Затем отколовшаяся часть ДС объединилась в «Демократическую Россию». И еще одно партийное новобразование – «Демократический выбор России». Все пар-

тии оказывались нежизнеспособными, и партийное строительство кончилось тем, что Новодворская стала помощником депутата Госдумы Константина Борового, своего политического симпатизанта. Перечислять все политические акции Новодворской можно еще долго: акции в защиту интересов Литвы, поддержка Грузии, выступления против войны в Чечне и т.д.

На членском билете Демсоюза были написаны строчки из «Петербургского романса» Александра Галича:

И все так же, не проще,
Век наш пробует нас –
Можешь выйти на площадь...
В тот назначенный час?!

У Новодворской никогда сомнений не было: она выходила, она призывала, она постоянно боролась.

– Вы не устали бороться, быть бойцом? – спрашивали Новодворскую. Она отвечала:

– Нет, не устала. Это форма моего существования. И цель. Покуда в мире есть фашизм, по Шварцу: «Не люблю драконов, видеть их не могу!»

А раз борьба, то сразу ЧП, но для пассионарной Валерии Новодворской это не Чрезвычайные Происшествия, а Чрезвычайно Привычное. «Бой, борьба – это уже удача!..» – разве может так сказать какой-нибудь диванный политик? Конечно, нет.

А Новодворская говорила...

Последние ее деяния: 9 октября 2010 года выступление на митинге «За Россию без произвола и коррупции», а 4 февраля 2012-го – на митинге «За честные выборы и демократию». 15 марта 2014 года приняла участие в «Марше мира против вооруженного вмешательства России во внутренние дела Украины». Новодворская вышла с плакатом «Банда Путина – геть в Нюрнберг!». И это, можно сказать, лебединый вскрик бесстрашной и непримиримой Валерии... Да еще попытки по созданию партии «Западный Выбор».

12 июля 2014 года Новодворская была госпитализирована (флегмона левой стопы).

И смерть от инфекционно-токсического шока.

Гибель бойца

«Мне никогда не было страшно за свою жизнь, – однажды призналась Валерия Новодворская. – Я ей не дорожу. Душа мне тоже не доставляет хлопот. Вот тело и его болезни неприятны. Хорошо, если бы тела вообще не было и люди состояли бы из одной души! Тогда бы я порхала как бабочка!»

Валерия Ильинична покинула белый свет в возрасте 64 лет. Превратилась ли она в беззаботную бабочку? Не будем гадать. 16 июля тысячи людей пришли проститься с Новодворской в Сахаровский центр. Многие выступили с про-

щальными речами, но примечательно: собравшиеся не захотели заслушать телеграмму соболезнования от президента.

Борис Немцов в своем выступлении напомнил, что Новодворская страдала диабетом. «Но при этом она обожала конфеты и пирожки. Я ей говорил: «Ты с ума сошла?» Лера безумно обрадовалась бы, если бы узнала, сколько людей пришло на ее похороны. Новодворская рассказывала, как хочет, чтобы они были организованы: «Я лежу в Сахаровском центре. Моего портрета нет, а есть портрет Егора Гайдара и написано аршинными буквами: «Свобода. Собственность. Законность». Лера была очень крутая. Ее часто обвиняли, что она не любила родину, но это чушь! Она ненавидела рабство!...»

Гроб с телом Новодворской провожали скандированием «Россия будет свободной!». Затем состоялось отпевание в Николо-Архангельском крематории. Прах Валерии Новодворской был захоронен на Донском кладбище.

Зарубежные радиостанции единодушно отметили, что Новодворская постоянно выступала с критикой политической системы, выстроенной в России Владимиром Путиным. Новодворская считала, что политический режим в России практически не менялся всю ее жизнь, менялись лишь люди, возглавлявшие режим. По ее мнению, лишь с начала президентства Ельцина и до начала первой чеченской войны предпринимались попытки изменения режима, но они не принесли желаемого результата...

Взгляды, оценки, суждения

В своих высказываниях Валерия Новодворская была бескомпромиссна и радикальна.

О России

«У России та судьба, которую она заслуживает. Она ничего не сделала для того, чтобы обеспечить себе другую судьбу. Из-под российской судьбы надо выбираться, как из-под завалов, а не воспевать ее величие. Россия должна изменить национальный менталитет, систему ценностей, стереотипы, реально смотреть на себя и на весь мир. Убрать весь тот туман, который сами на себя напустили...»

«Россия, как всегда, с упоением голосует за самозванцев, за проходимцев...»

«Что же касается соотношения между Лениным и Сталиным, то все рассуждения на этот счет смехотворны! Ленин гораздо более опасный тиран, чем Сталин. Ленин в общем-то все сделал, Сталин же всего-навсего – довершил. Сталин, конечно же, щенок и «приготовишка» по сравнению с Владимиром Ильичем. Ибо заложить такой фундамент, так грамотно все это построить, причем на века, мог только человек, который (вопреки Пушкину) великолепно совместил в себе гения и – злодея!..»

В начале 90-х Новодворская, оглядываясь вокруг, говори-

ла:

«У нас демократического лагеря пока еще нет, у нас есть концентрационный лагерь.

А его раскачивать стоит. И Горбачев, и совдепы, и КГБ, и Калугин; и Ельцин, плохо полинявший большевик, который вовремя бросил партийный билет в набежавшую волну; и Попов, который вводит нэп на уровне «военного коммунизма», и (самый умный из них) наместник коммунистической власти Собчак, который достаточно хорошо скрывает свои намерения, – это не демократический лагерь. Помилуйте, это все атрибуты нашего вечного советского концлагеря, нашей несвободы...»

Из интервью спустя некоторое время:

«...Я ненавижу фашистов, ненавижу нацистов, ненавижу совков, фундаменталистов любого плана – как христианских, так и мусульманских. Я ненавижу фанатов – вообще всех фанатиков. Все, что находится за рамками свободы, гуманности и хорошего вкуса (а свобода и гуманность есть хороший вкус), все, что поработывает и обманывает человека и рано или поздно его насилует, – все это я ненавижу...»

Корреспондент не без ехидства: «И давно это у вас?» Нювдорская, не замечая тона: «С детства».

На вопрос о любви к России:

«Если считать Россию государством, то я ненавижу ее, не имею к ней никакого отношения и являюсь классическим государственным изменником. Если же считать Россию стра-

ной, то это другое дело... Россия глубоко несчастна. Она инвалид, она ноет, она обиженный и больной ребенок. Ее некому пожалеть, потому что она сирота. Я отношусь к России как к инвалиду. Я как врач у постели больного. Я обязана ее беречь, воспитывать, реабилитировать... возможно, в этой любви есть элемент мазохизма. Но настоящая любовь такой и бывает: она причиняет больше мучений, чем радости».

«Моя Россия была страстотерпицей, она была бедная, заплаканная, серая, грязная, это была Россия Есенина и народников, в ней цвела одна только картошка, шли дожди, ее срочно надо было спасать, и я влюбилась в нее по уши, как Дездемона – за муки, и понимала, что меня непременно должны задушить из-за моей непомерной любви, когда я потеряю платок...»

Что можно сказать по поводу подобных высказываний? Только одно: любовь Новодворской к России носит отпечаток литературной образности.

О себе

Говоря о собственной персоне, Новодворская и тут безжалостна и откровенна, без позы и кокетства, но с изрядной долей самоиронии.

«Я не политик, я безработный профессиональный революционер, и за неимением народа, гражданского общества и революционной ситуации – правозащитник, в общих чертах. Скорее всего, вольнодумец широкого профиля. В тру-

довой книжке у меня много чего написано: журналист, историк, писатель и так далее».

И далее:

«Дайте мне американский народ, и я переверну Россию!.. Америка стоит на ногах, Россия – на голове... Надо же этим безнадежным двоечникам на кого-то свалить то, что они не могут сдать ни одного экзамена и остаются по четыре года в одном классе. Каково же смотреть на американских отличников!.. Главные достоинства американского народа – индивидуализм, ответственность, умение и готовность стоять на собственных ногах. Полная несклонность к социальному иждивенчеству, внутренняя свобода и привычка расширять вокруг себя эту свободу. Свобода – это для них высшее достоинство, высший приоритет, остальное приложится...»

Так говорила Валерия Новодворская – патриот Америки, которую арестовывали 17 раз при Брежневе, Андропове и Горбачеве.

«Я не считаю себя счастливым человеком, нет. Но я свободный человек. Счастье и интеллект в России не совпадают. В России счастливым может быть только скотина...»

После таких слов Новодворской так и хочется замычать: му-у-у!..

О личном

«Возможности выйти замуж и родить детей меня лишил КГБ еще в 1969-м... Человек, который обрекает себя на

борьбу, не может отвечать за детей и их судьбу. Он их делает заложниками... Да и секс, по-моему, никчемное занятие. Спала со своим котом Стасиком – он не мешал мне спать. На секс, говорят, надо много времени, а у меня его нет! К тому же я абсолютно не нравлюсь мужчинам. Да и мне не в кого было влюбиться. Я дураков не люблю... Ну, можно было бы влюбиться в Джохара Дудаева. В Наполеона или Георгия Жукова – никогда! Один – тупой сталинист и неудачник, второй – авторитарный правитель, запустивший цепочку войн, которые привели к двум мировым. Удел свободного человека в несвободной стране – это одиночество».

Еще одно откровение Новодворской:

«Если говорить о теле, то это не моя стихия. Я больше интересуюсь духовной сферой. Мой идеал – Лунарий из романа Уэллса «Первые люди на Луне». Такая большая голова на тонких ножках... Мое тело мне всегда было безразлично. Никакими диетами и гимнастикой никогда себя не изнуряла. Диета – это занятие для приземленных, а духовные хрумкают, чавкают все с удовольствием, не задумываясь о последствиях».

О других

Ленин. «Это злодей. Люцифер. Очень умный: крупный, превосходящий своих противников на голову. Гений зла. Теоретический уровень его крайне высок, хотя и не глубок. Не то, что нужно для этого адского ремесла. Он знал».

Владимир Маяковский. «Самый нужный в моей жизни мужчина. Мне подарили его бюст на 16-летие. С тех пор мы вместе. Тогда мне нравились его стихи, конечно, не стихи «О советском паспорте». А сейчас я использую бюст строго по назначению – им очень удобно кнопки забивать и орехи колоть. Бюст гораздо удобнее, чем молоток. Владимир Владимирович идеален...»

Егор Гайдар. «Мы должны быть ему вечно благодарны...»

Геннадий Зюганов похож на шкафчик типа «Гей, славяне».

Владимир Жириновский. «Жирик вызывает у меня ассоциацию с фольклорным фашизмом».

Мавзолей Новодворская воспринимала как «скотомогильник». И с негодованием отмечала, что «скотомогильник на Красной площади не убран вместе с главным вампиром страны. Эта мумия еще кусается. Ее надо хоронить не на кладбище, а вместе с радиоактивными отходами».

Литературно-журналистский облик

Валерия Новодворская осталась в памяти как умная, начитанная, эрудированная женщина, а не только как эпатажная диссидентка и отважная правозащитница. Она была еще и полиглотом: владела английским, итальянским, немецким, французским языками, еще древнегреческим и латынью. Написала несколько книг: «Над пропастью во лжи», «Мой Карфаген обязан быть разрушен», «По ту сторону отчаяния»,

«Прощание славянки», «Поэты и цари», многочисленные публикации – статьи, комментарии о текущей политической ситуации. Ее формулировки были отточены по стилю и точны по мысли. Вот маленький пассаж из комментария, написанного в ноябре 1990 года:

«Тоталитаризм имеет задачу уничтожения личности и создания непобедимого государственного монолита во все сферах. И выполняет его ее жесткой рукой в мягкой перчатке: если власть не прибегает к предельной форме репрессий, так это не потому, что она стала менее тоталитарной, более «демократической». А потому, что такие репрессии уже не функциональны. Дрессура оказалась столь успешной, что теперь можно обойтись без хлыста, «оппозиционеры» добровольно прыгают через обруч...»

Добавим от себя: а еще генетический страх 1937 года – «Большого террора».

В заключение отметим, что точную оценку жизни и борьбы Валерии Новодворской дать сложно: ее и любили, и ненавидели. Ненавистников было больше, многие воспринимали ее русофобкой, как журналист Максим Шевченко. Он считал, что «политически она дискредитировала оппозиционное движение своим чрезмерно экстравагантным поведением и превращением политических дискуссий в некую клоунаду, в некий такой цирк... Жириновский, Новодворская, Митрофанов – это, знаете, были такие персонажи, которые были специально рассчитаны на дискредитацию любого се-

рьезного политического разговора».

У Максима Шевченко такой взгляд, у других – иной. «Диссидент среди диссидентов», – считал Леонид Радзиховский. «Мужественная, храбрая, доверчивая и нежная» – мнение Николая Сванидзе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.